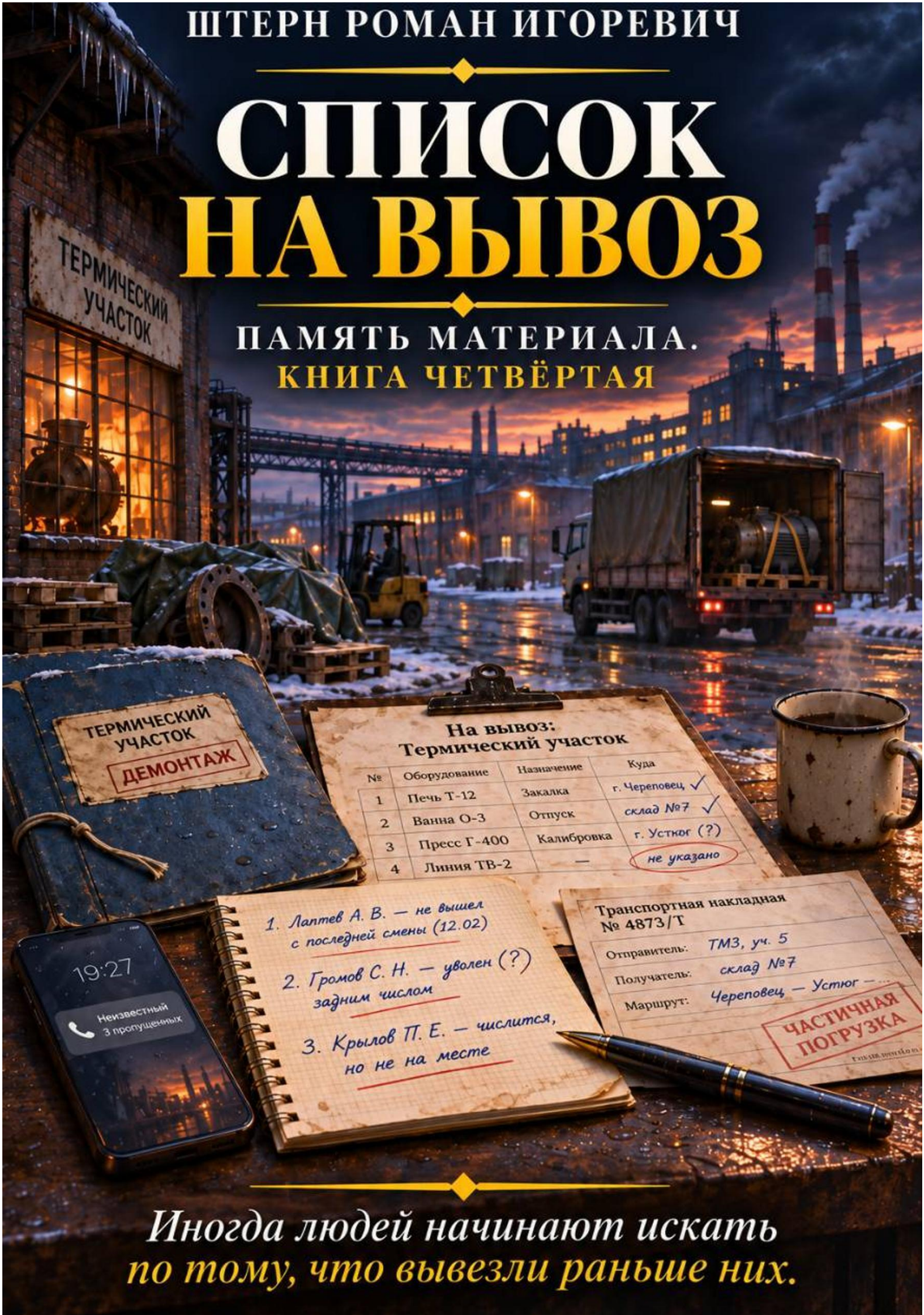
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ

СПИСОК НА ВЫВОЗ

ПАМЯТЬ МАТЕРИАЛА. КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

Иногда людей начинают искать
по тому, что вывезли раньше них.

Роман Штерн

Список на вывоз

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Список на вывоз / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

Бывший мастер «Термодетали» приносит в центр «Рабочая среда» список двенадцати вывезенных партий оборудования. Трое его товарищей перестали появляться в привычном кругу, и искать людей приходится по следам грузов. Врач Инга Мельникова обнаруживает, что за обещанием нового заработка скрываются опасная изоляция, неоформленный труд и чужие решения о допустимом риске. Предупредить необходимо — но остановка работ может лишить маленькие мастерские последнего дохода. А у старой стальной плиты есть своя история: говорят, после ухода людей она продолжает считать смену. Четвёртая книга цикла «Память материала».

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Не медицинская папка 6
Глава 2. Он здесь работает 13
Глава 3. Чистое по акту 21
Глава 4. Кузов помнит вес 29
Глава 5. Без должности 38
Глава 6. Плита досчитывает 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Роман Штерн
Список на вывоз

От автора

У чтения не всегда бывает особый час: порой ему достаётся небольшой промежуток между обычными делами. Спасибо, что в таком промежутке — или в редкий свободный вечер — Вы выбрали мою книгу. Мне дорого Ваше внимание, даже если сейчас его хватит всего на несколько страниц. За этой простой возможностью читать дальше стоят и Ваше время, и доверие ко мне, которое я не считаю само собой разумеющимся. Пусть у Вас почаще находится спокойная минута для того, к чему тянет без всякого «надо».

Глава 1. Не медицинская папка

— Само время приёма не меняйте, — сказала Инга. — Сначала выясните, кто привезёт его обратно.

Она стояла у окна с телефоном, прижимая к стеклу холодные пальцы. От батареи шло сухое тепло, но из щели под рамой тянуло по ногам. Внизу, у пекарни, разгружали муку; водитель закрыл голову капюшоном и пятился с тележкой через грязный снег.

— Туда машина подтверждена, — ответила местный координатор. — Обратно у них почему-то записано на час раньше.

— Откуда взялся час?

— Перенесли из прошлого талона. Сейчас проверяю. Руслану пока ничего нового не отправляла.

Инга открыла расписание. Можно было самой позвонить перевозчику: номер сохранился, и человек на другом конце уже знал её голос. Она даже нашла его в переписке, прежде чем убрала палец с экрана.

— Хорошо. Уточните с принимающими, сколько займёт обращение. Если не получится согласовать обратную дорогу, сообщите до трёх.

— Я сама ему позвоню, когда будет ответ.

— Да.

Она закончила разговор. В таблице возле фамилии Руслана оставалась отметка о подтверждённой оплате поездки. Оплата не мешала человеку застрять после приёма в другом городе.

У двери сидел посетитель с толстой синей папкой. Пока Инга разговаривала, он держал её на коленях обеими руками, словно внутри лежало что-то хрупкое. Куртку не снял. С края шапки на сиденье под ним натекло небольшое тёмное пятно.

— Простите, что пришлось ждать. Проходите.

— Я без записи. Мне сказали, после двенадцати вы бываете.

— Сегодня бываю.

Он поднялся, осторожно расправив колени.

Павел вошёл из коридора с отключённым тепловентилятором. Из решётки торчал конец бирки.

— Это из фургона? — спросила Инга.

— Из него. Греет разъём лучше, чем помещение. В рейс больше не пойдёт.

— Замену нашли?

— Нашёл. Теперь ищу деньги, чтобы приборы перестали ездить в более комфортных условиях, чем мы.

Он поставил тепловентилятор под свой стол, подальше от розетки, и поздоровался с посетителем.

Тот назвался Леонидом Григорьевичем Барышевым. Шестьдесят два года, бывший мастер термического участка «Термодеталь» в Сухоборске. Про бывший участок он сказал без паузы, а перед словом «мастер» задержался, будто поправлял должность, которую всё ещё привык произносить в настоящем времени.

— У вас медицинские документы? — Инга показала на папку.

— Нет. В том-то и дело.

Он открыл застёжку. Внутри лежали несколько прозрачных обложек, блокнот и сложенный пополам лист. Барышев вынул лист, разгладил сгиб костяшками пальцев.

Инга увидела двенадцать строк. Номера, названия оборудования, сокращения в правом столбце. Внизу не было ни печати, ни подписи.

— Люди пропадают, — сказал Барышев. — А искать их выходит по железу.

Павел перестал снимать куртку.

— Кто? — спросила Инга.

— Кулагин Алексей Геннадьевич. Остроухова Нина Павловна. Шубин Степан Игоревич. Мои все. Из нашей смены, потом на других работах были.

— С кем из них вы говорили последним?

— С Ниной. Но она ничего не говорит.

— Когда?

Барышев достал телефон, раскрыл журнал звонков. Палец у него был широкий, сухой; экран с первого раза не отозвался.

— Вчера. Вечером.

— Она ответила сама?

— Сама. Сказала, занята, позже. И всё.

— Что-нибудь говорила о помощи?

— Нет. Она теперь так и разговаривает. Раньше зайдёт, расскажет, где была, что делала. А теперь — занята. Лёша четвёртый день трубку не берёт. Степана вообще недели две никто у нас не видел.

Инга придвинула к себе чистый лист.

— Давайте по одному. Алексей не отвечает четыре дня. До этого вы с ним разговаривали?

— Да.

— Что он сказал в последний разговор?

— Что работает. Что перезвонит.

— Где работает?

— Вот с этим и непонятно.

— А Степану вы звонили?

— Выключен. Иногда вызов идёт, не берёт. В общий чат не пишет.

— Родные его видели?

Барышев провёл ладонью по папке.

— Я к ним не ходил. Не хотел раньше времени поднимать.

Инга записала это отдельно. Не было ни сообщения о несчастном случае, ни угрозы, ни человека, который видел бы, как кого-то увезли против воли. Были три разных обрыва связи, сведённые мастером в одну беду.

— Вы сейчас живёте в Сухоборске?

— Да. Сегодня электричкой приехал.

— Из-за чего решили обратиться именно к нам?

— Про вас рассказали. Что вы не только справки выдаёте. Разбираетесь, кто где работал на самом деле.

Он посмотрел на стол Павла, где рядом с открытым приборным футляром лежала смета обслуживания.

— У нас участок закрыли. Не весь город, не завод до последнего болта. Именно термичку. Люди разошлись. Кто устроился, кто перебивается. Потом стали узлы продавать, кому-то нужны руки, кому-то наладить. Звонят: выйдешь на день? На два? Сначала вроде ничего. А теперь спросить не у кого.

— Вы предполагаете, что с ними что-то случилось на этих работах?

— А где ещё? Дома человек хоть на виду.

Инга не стала возражать про дом. Она повернула лист так, чтобы он видел три фамилии и разные записи под ними.

— Пока мы знаем, что Нина отвечает, но не рассказывает о себе. С Алексеем у вас нет связи четыре дня. Где сейчас Степан, вы не знаете. Это не одно и то же.

— Я понимаю, что не одно.

Он произнёс это с обидой, но наклонился прочитать.

— Мы не уменьшаем вашу тревогу, — сказала Инга. — Мне нужно понять, что проверять сначала.

Барышев снял наконец куртку. Под ней оказался аккуратный тёмный свитер с заштопанным манжетом. Он повесил куртку на спинку стула, снова взял папку и положил её на стол, уже не на колени.

***

— Можно сделать копию? — спросил Павел.

— Я вам его для этого и привёз.

Барышев потянулся к ручке.

— Тут только дописать…

— Сначала снимем как есть. Потом уточнения рядом.

— Я же не казённый документ принёс.

— Тем более. Здесь пока видно, что было до нашего разговора.

Павел освободил ровный участок стола, снял лист с обеих сторон, проверил края на снимке. На обороте было только продавленное сгибом пятно. Оригинал вернул Барышеву, а на экране открыл копию.

Наверху стояло: «На вывоз. Термический участок». Партии были обозначены от Т-01 до Т-12. Номер не всегда соответствовал одному предмету: в некоторых строках за названием шло «компл.», в других — «с рамой» или «2 шт.». Правый столбец был заполнен неровно. Где-то название населённого пункта обрывалось после первых букв, где-то оставались два инициала.

— Это перечень имущества или перечень рейсов? — спросил Павел.

— Имущества. На одном кузове могли несколько увезти.

— Даты есть отдельно?

— У тех, кто возил, должны быть.

— А этот лист когда составлен?

— Перед вывозом собирали.

— Кто составлял?

— Я себе переписал. Чтобы знать, что осталось, что уходит. Там по корпусу всё вперемешку стояло.

Павел занёс ответ в отдельную запись.

Инга смотрела на третью строку. Название узла было сокращено до нескольких согласных, но Барышев объяснил его без запинки: что внутри, откуда подходили при обслуживании, какая часть снималась, а какая уходила вместе с рамой. В его речи появились глаголы, которых не было в начале встречи. Поднять, выкатить, выставить, удержать. Он перестал смотреть на них и показывал руками расстояния над столом.

— Вот это для большой серии не годится, — сказал он, ткнув в Т-02. — А если ремонтные детали небольшими партиями, человеку хватит. Там управление довести, проверить всё перед работой. Зато не надо чужую очередь ждать.

— Вы видели его после продажи? — спросил Павел.

— Нет, я про сам узел. Я его двадцать лет знаю.

— А Т-08?

— Плита. Стальная. Толстая. Не столешница, а настил из зоны обслуживания. Её за просто так не согнёшь.

— Размеры здесь не указаны.

— Можно поднять по старым бумагам. Или на месте померить.

— На каком месте?

Барышев задержал руку над листом.

— Куда увезли. Там внизу сокращено.

— Здесь «П-в. двор». Это Сухоборск?

— Похоже, туда. У них двор был, принимали разное.

Уверенность, с которой он только что описывал плиту, исчезла на двух словах об адресе. Инга не стала подталкивать его к следующей версии.

— Кто продавал имущество?

— Фирма разбор делала. «Контур-разбор». Серов там руководит. Кирилл Вадимович. Они вывоз и вели.

— Ваш прежний работодатель?

— Нет. Я мастером был на участке. При разборе уже другие отношения.

— Какие у вас?

— Никаких. Уволился.

— Вы организовывали людям новые работы?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

Павел поднял глаза от записи. Барышев посмотрел на него, потом на Ингу.

— Если меня спрашивали, я советовал. Знаю, кто на что способен. Одному надо чертёж показать, другой и без чертежа разберётся, но за сроками следить. Это же не организация работ.

— Вы договаривались об оплате или времени выхода?

— Они сами между собой.

— Давали покупателям телефоны работников?

— Мог дать. С разрешения. Или наоборот, человеку номер, чтобы сам позвонил. Не бросать же всех.

Инга записала его слова. Он следил за ручкой.

— У вас на листе люди не отмечены, — сказала она.

— Так я про то и говорю. Железо расписали, людей нет.

— Сейчас вы связываете эти двенадцать партий с тремя фамилиями. Откуда эта связь?

Барышев помолчал, перебирая угол прозрачной обложки.

— Лёша говорил, что на купленных узлах помогает. Нина тоже бралась. Про Степана слышал, что ездил на разгрузки.

— От кого слышали?

Он назвал бывшего работника участка, пояснил, где тот теперь работает, но номера телефона при себе не нашёл. Инга оставила рядом с фамилией место для контакта.

— Алексей сам говорил про эти узлы?

— Про оборудование от нас. Номеров он мне не перечислял.

— Нина?

— Тоже. Что работа есть, не переживай.

— Значит, это их слова. А про Степана — пересказ.

— Вы всё так раскладываете, будто я сочиняю.

Инга отложила ручку.

— Если позвонить тому человеку и он скажет, что тоже слышал от кого-то, у нас будет ещё один шаг. Не подтверждение разгрузки.

Барышев поджал губы. За окном хлопнула дверца фургона. Павел посмотрел вниз, но не встал: машина оставалась на стоянке, запертая, с белой полосой непротаявшего снега вдоль крыши.

— Вы поймите, — сказал Барышев. — Кому пятьдесят, кому больше. У одного кредит, у другой мать. Всю жизнь по сменам, а потом иди продавай себя в объявлении. Хочется дать людям вторую попытку.

— Вы знаете, где начать искать связь? — спросила Инга.

— Один адрес есть.

Он достал из папки блокнот. Между страницами лежала распечатка с номером телефона и короткой схемой подъезда. Барышев не отдал её сразу, сперва проверил запись на обороте.

— Лесная Пристань. Мастерская Усольцевой. Полина Сергеевна. Отдельное небольшое дело, ремонтом занимается. Туда первые два ушли.

— Т-01 и Т-02? — уточнил Павел.

— Да.

— Это окончательное место или перегрузка?

— Должно быть, у неё. Мне адрес тогда прислали, случайно сохранился.

Инга записала: «По сообщению Барышева». На схеме были ворота, будка и стрелка вдоль забора. Название улицы он дописал на новом листе, не на первоначальном перечне.

— Алексей может быть там? — спросила она.

— Думаю, да. По профилю ему подходит.

— Он вам назвал Усольцеву?

— Нет. Я сопоставляю.

Инга подвинула к нему запись этого ответа. Он прочёл, кивнул и вернул лист, не исправляя.

***

Софья пришла из соседнего кабинета с кружкой остывшего чая. До этого она разговаривала по делу, которое не могло закончиться только потому, что в офисе появился новый посетитель. Яркий шарф оставался на плечах: в соседнем помещении ещё не прогрелась батарея.

Она выслушала Ингу, просмотрела три короткие записи и спросила Барышева:

— Вы хотите, чтобы мы установили с ними связь. Что ещё?

— Узнали, не случилось ли чего. И чтобы они не молчали. У нас люди переживают.

— За последнее мы не можем взяться.

— То есть?

— Заставить взрослого человека рассказывать бывшей смене о своей жизни.

Барышев отодвинул кружку, которую ему принёс Павел. Чай он так и не выпил.

— Да не заставлять. Вы всё сразу…

— Я уточняю, что мы можем вам обещать. Проверить доступные контакты, предложить разговор. Если человек согласится — выяснить обстоятельства работы и вопрос о медицинской помощи. Оперативный розыск мы не ведём.

— В полицию пока не хочется. Потом окажется, телефон потерял.

— Если местонахождение неизвестно и вы опасаетесь за человека, заявление не нужно откладывать до нашей поездки. И ждать какого-то установленного числа суток не надо.

— А кто должен подавать? Родственники?

— Обратиться можете и вы. Сообщить то, что знаете. Без предположений о том, чего не видели.

Он вынул телефон, посмотрел на тёмный экран.

Инга почувствовала знакомый порыв предложить: давайте сейчас вместе позвоним всем, найдём родных, проверим больницы, вечером ещё раз. За каждым действием уже возникало следующее, и для каждого будто имелось место между её назначениями. Потом она увидела на столе Павла бирку с неисправного обогревателя. Выезд тоже требовал времени, денег, исправной машины. Не только намерения.

— Сначала решите вопрос с обращением, — сказала она Барышеву. — Для этого не нужно ждать, возьмёмся ли мы за мастерскую.

Он попросил несколько минут и вышел в коридор. За прикрытой дверью было слышно, как он представляет себя, затем повторяет фамилию Шубина по буквам. Инга не подошла слушать.

— Один выезд, — сказал Павел негромко. — Не семь адресов на одном баке. И не завтра с утра: замену привезут к вечеру, надо проверить.

— Послезавтра сможем?

— Если не добавим ещё что-нибудь между делом.

Софья положила перед Ингой календарь.

— У тебя до отъезда два согласованных разговора. Я заберу подготовку поручения и запрос контактов. Медицинские вопросы ты за меня не оставляй, но подтверждать каждую встречу тоже не надо.

— Я знаю.

— Знаешь. Сейчас впишем.

Они выделили время поездки. Инга убрала из вечера собственную пометку «позвонить местным ещё раз»: сообщение с подтверждением обратной дороги уже пришло. Координатор связалась с принимающими и перевозчиком; Руслану отправили окончательное время.

Барышев вернулся, держа в руке листок с номером и записанным порядком дальнейшего обращения. Сел, не продолжая прежнего спора.

Софья раскрыла условия первого этапа. Это была не доверенность на распоряжение людьми: проверка предоставленных контактов, согласованный визит в одну мастерскую, беседы по желанию участников, фиксация доступных сведений о работах. Расходы на дорогу и время специалистов стояли отдельно. Анализы, если понадобятся, в эту сумму не входили.

Барышев долго смотрел на итог.

— Я думал, сначала просто съездить.

— Просто съездить тоже стоит денег, — сказала Софья. — Мы не можем сейчас взять это из резерва. Можем ограничить первый этап и не начинать следующий без отдельного решения.

— А если никого там нет?

— Результата поиска мы не обещаем.

Он достал очки, которых до этого не надевал. Прочёл страницу, задержался на строке о передаче сведений.

— Если найдёте Лёшу, мне хотя бы скажете?

— Мы попросим его определить, что можем вам сообщить, — ответила Инга. — Оплата не даёт доступа к его здоровью, месту работы или семейным делам.

— Я его с молодого знаю.

— Это не меняет порядка.

Барышев снял очки. Инга ждала. В коридоре кто-то пытался открыть соседнюю дверь неподходящим ключом; металл несколько раз сухо ударил о замок.

— Ладно, — сказал он наконец. — Только объясните ему, что я не из любопытства.

— Передадим, что вы беспокоитесь.

Он подписал ограниченное поручение. Софья отдала ему экземпляр и порядок оплаты, не забирая оригинальный список.

В мастерскую позвонили по общему номеру с распечатки. Ответила женщина. После представления Инги она сразу спросила:

— Вы по покупке или по людям?

— По возможной работе на оборудовании с «Термодетали». И хотим предложить разговор Алексею Геннадьевичу Кулагину, если сможете передать ему наш контакт.

— За разговор с ним не обещаю. Контакт передам. А по оборудованию — приезжайте, я хозяйка, Усольцева.

Голос был близкий, но за ним слышались удары и чей-то вопрос о машине у ворот. Женщина отвернулась от телефона:

— Не сюда. Мне завтра отсюда выезжать. Вдоль стены поставьте.

Потом снова заговорила с Ингой:

— Что вы хотите делать?

Инга объяснила: сначала поговорить, осмотреть с разрешения то, что доступно без вмешательства, понять, нужны ли другие специалисты. Ничего не разбирать и не запускать ради визита.

— После одиннадцати, — сказала Усольцева. — Раньше у меня доставка. И за ворота сразу не суйтесь, там разворачиваться негде.

Она продиктовала ориентир, которого не было на старой схеме: новый зелёный навес перед въездом. Инга повторила время, оставила свой номер. Личного ответа от Кулагина они не получили.

— Я с вами, — сказал Барышев, когда разговор закончился. — Покажу, где что, и Лёша при мне быстрее…

— Первую беседу проведём без вас.

— Он мне не чужой.

— Именно поэтому.

Он посмотрел на Павла, будто ожидал технического возражения: тесно в машине, нет места, не по пути. Павел складывал в папку копию перечня и не предложил ни одного.

Барышев застегнул куртку. У двери вспомнил про шапку, вернулся за ней, надел уже в коридоре.

На столе остались двенадцать строк с сокращёнными адресами. Инга положила рядом маршрут до Лесной Пристани и отдельный лист с тремя фамилиями. В поездку они брали оба. На карте была действующая ремонтная мастерская, у которой утром ожидали доставку. Кто из людей окажется там к их приезду, ещё предстояло узнать.

Глава 2. Он здесь работает

Зелёный навес оказался единственным, с которого снег ещё не сполз. Под остальными мокрые пласты лежали вдоль стен, перекрывая водостоки. Павел проехал ворота, остановился у пустого рекламного щита и позвонил Усольцевой.

— Вижу вас, — сказала она. — Только вперёд ещё метра три. Машина сейчас придёт.

Он передвинул фургон. За оградой двое мужчин вытягивали из лужи деревянный поддон; один держал его за угол, второй подсовывал обрезок доски. У двери мастерской стояла женщина в короткой рабочей куртке, без шапки. Она показала Павлу ладонью: достаточно.

Доехали они позже, чем рассчитывали. На последнем повороте грузовик перегородил дорогу, пытаясь подняться по обледеневшему съезду. Теперь было почти двенадцать, а свет уже казался вечерним.

— Усольцева, Полина Сергеевна, — представилась женщина. — Вы Инга?

Они поздоровались. Полина посмотрела на сапоги Инги.

— Здесь по доскам. Справа глубоко, только сверху припорошило.

На вид ей было меньше сорока. Красные от холода пальцы она то прятала в рукава, то снова высовывала, чтобы ответить на телефон. На звонок посмотрела и отключила.

— Доставка? — спросил Павел.

— Обещанная утренняя. Теперь обещанная дневная. Пойдёмте, пока не приехали.

В мастерской пахло нагретым маслом и мокрой спецодеждой. Не весь пол был занят: между станком, двумя ремонтными столами и стеллажом оставались проходы, выведенные жёлтой краской. У одного стола человек в сером жилете проверял резьбу на небольшой детали. Он наклонил её к лампе, сменил инструмент, положил забракованную отдельно.

— Алексей Геннадьевич, к вам, — сказала Полина.

Мужчина поднял голову. На переносице осталась светлая полоса от только что снятых очков.

— От Леонида?

— Инга Мельникова. Мы с вами лично ещё не говорили.

— А я просил?

Полина шагнула к столу, но Инга остановила её взглядом.

— Нет. Он обратился к нам, потому что не смог с вами связаться. Полина Сергеевна согласилась передать вам контакт.

— Передала. Я видел.

Кулагин положил инструмент в лоток. Инга узнала его по фотографии, которую Барышев показал на телефоне: на ней он был в рубашке с коротким рукавом, у чьей-то машины. Здесь волосы лежали плоско, лицо казалось длиннее.

— Он вам что сказал? Что меня держат?

— Что четыре дня вы не отвечаете ему. Остальное хотела услышать от вас. Если согласитесь.

— Я здесь работаю.

Он произнёс это, глядя не на Ингу, а на Полину. Та ответила не сразу:

— Я им за тебя говорить не стала.

— Можно поговорить без остальных? — спросила Инга. — Недолго.

Полина показала на узкую дверь за стеллажом.

— У меня там стол. Проход свободный.

Кулагин вытер руки чистой стороной ветоши и пошёл первым.

Комната была разделена фанерным шкафом. С одной стороны стояли чайник и холодильник, с другой — письменный стол с монитором, две папки и детская кружка с отбитой ручкой, полная карандашей. Кулагин закрыл дверь, но садиться не стал.

— Мне пятьдесят четыре года. Я четыре дня могу не брать трубку?

— Можете.

— Тогда зачем вы здесь?

— Проверить, удалось ли связаться с вами. Предложить помощь, если она нужна. И не сообщать за вас то, чего вы не хотите сообщать.

Он потёр большим пальцем бок указательного, сгоняя въевшуюся серую полоску.

— Помощь с чем?

— С вопросами о работе и здоровье. Но сначала — Алексей Геннадьевич Кулагин?

— Да. Документ нужен?

— Для этой беседы достаточно представиться.

— А то у меня с собой нет.

Инга придвинула стул, но он покачал головой. Она осталась стоять.

— Вы здесь по своей воле?

— Да.

— Есть сейчас что-то, из-за чего вы не можете уйти или позвать помощь?

— Нет. Машина моя во дворе, если вам это о чём-нибудь говорит.

— Я услышала ваш ответ.

За дверью Полина говорила с кем-то громко и коротко: «Нет, это другой въезд. Зелёный. Не синий». Кулагин посмотрел в сторону голоса.

— Барышев пусть не собирает меня обратно. У него смены уже нет.

— Он просил передать, что беспокоится.

— Передали.

Инга почувствовала, что сейчас разговор можно закончить. Вместо этого ей захотелось спросить, где он ночует, кто знает его нынешний адрес, есть ли человек на случай болезни. Вопросы уже выстроились в удобную медицинскую последовательность. Кулагин не обращался за этой последовательностью.

— Что разрешите сказать ему после нашей встречи?

— Что живой.

— Что мы лично поговорили и вы не заявляете о непосредственной опасности?

Он подумал.

— Так и скажите. Где я работаю — не надо. И что делаю. Дома тоже ничего не надо рассказывать.

— Мы с вашей семьёй не связывались.

— Вот и не связывайтесь.

— Хорошо. Сведения об этой беседе сохраним с указанным ограничением передачи. Можно?

— Можно. Только без ваших объяснений, почему я трубку не беру.

— Я не знаю почему.

Впервые он посмотрел ей прямо в лицо.

— И не надо.

Она записала разрешённую формулировку, повернула к нему блокнот. Кулагин прочёл, добавил: «Лично», — хотя слово уже стояло в строке. Инга не поправила.

— Про Нину Павловну и Степана Игоревича можно спросить?

— Нину давно не видел. Со Стёпой не разговаривал. Если увижу — скажу, что ищут.

— Лучше передайте наш номер. Он сам решит, связываться ли.

Кулагин взял карточку и убрал в карман жилета.

Когда они вернулись, Полина уже освободила место у двери от пустой тары. Павел стоял рядом, держа сумку закрытой. Он не спросил, что удалось узнать.

— Закончили? — спросил Кулагин.

— На сейчас да.

Тогда он вернулся к детали, повернул лампу ниже и снова надел очки.

***

— А это место я пока ничем не занимаю, — сказала Полина.

За ремонтной частью начинался широкий пролёт. У стены оставили прямоугольник свободного пола, обведённый мелом. Под потолком шла новая кабельная трасса, заканчивавшаяся у закрытого щитка; ниже на стене белел свежий раствор. На пустом месте лежал только свёрнутый удлинитель.

— Для чего?

— Под термический участок. Небольшой. Не цех, как у них был.

Она достала из кармана сложенный вчетверо лист. На плане от руки были нанесены два прямоугольника, рабочий стол и стрелки проходов.

— Вот отсюда принимать. Здесь готовое. Сейчас отправляю на сторону и жду. Деталь у меня сделана, заказчик мне звонит, а я объясняю про чужую очередь. Если бы своё довести…

Полина не договорила. Провела ногтем вдоль стены на плане.

— Это ещё не рабочий проект, — сказала она. — Мне уже объяснили. По питанию отдельно смотрели, по воздуху ещё надо. Я не собираюсь завтра включить и обрадоваться.

— Что купили? — спросил Павел.

— Покажу. Только туда пока не проходите.

В конце пролёта стояли два массивных узла на опорах. Проход к ним пересекала лента, привязанная к стойкам. На одном корпусе белой краской было выведено «Т-01», на другом сохранилась подвесная бирка «Т-02». На металле виднелись более старые обозначения, частично закрытые краской.

Полина остановилась у ленты.

— Сюда поставили после разгрузки. Действующее от них отделено. Сначала хотела в дальний угол, но тогда второй раз тащить. Оставили ближе к месту.

У корпуса Т-01 не хватало части наружной обшивки. В открытом краю лежали сероватые слои, неодинаковые по толщине; один загнулся наружу, словно мокрый картон, другой рассыпался вдоль разрыва. На нижнем выступе скопилась крошка. Инга не смогла бы сказать, где кончался один материал и начинался другой.

Павел присел, не пересекая ленту.

— Это снимать уже начинали здесь?

— Кожух с одного бока приподняли. Посмотреть крепления. Но в таком виде и привезли — край уже был рваный.

— Фотографии доставки остались?

— Должны быть. Я снимала, чтобы потом не сказали, будто мы помяли.

— Сейчас можно снять номера и общий вид?

— Можно. Людей в кадр не надо.

Он дождался, пока из дальнего прохода выйдет работник, сделал общий снимок, затем номер и открытый край. Не дотянулся телефоном до нужного ракурса и поднялся.

— С другой стороны доступ есть?

— Без перестановки — нет.

— Тогда не нужно.

Полина подалась вперёд.

— Если надо кусок, там сам отходит.

— Пока не трогаем. Отбирать должен тот, кто будет проводить профильное исследование, по своему порядку.

Павел снял Т-02 отдельно. На нём наружная поверхность выглядела целее, но в месте соединения тоже оставался открытый слой. Он не стал ни приближать к нему руку, ни сравнивать материалы вслух.

— Вам их как предлагали? — спросила Инга.

— После демонтажа. Под восстановление. Новое я бы не потянула, а тут металл ещё нормальный, по словам продавца. Алексей тоже посмотрел, что можно сделать.

— Что говорили об этих остатках?

Полина помедлила.

— Что основное снято. Осталось довести. Обычная очистка перед сборкой.

— Кто должен был довести?

— Мы. Это я понимала.

Она сказала жёстче, чем прежде. Инга заметила, как её пальцы сжали сложенный план.

— Я спрашиваю не затем, чтобы доказать, что вы не поняли покупку. Нужно знать, какие работы вы собирались делать.

— Снять лишнее, зачистить. Потом техническую часть проверять. Тут ещё деньги и деньги до первого заказа.

В конторке Полина открыла папку. Внутри лежали счёт, платёжные документы и распечатанное описание имущества. Она сразу нашла нужную страницу, будто уже не раз показывала её кому-то в споре о состоянии покупки.

В строке Т-01 стояло: «Корпус после демонтажа, очищенный, для восстановления». Ниже была оговорка о проверке перед вводом в работу. У Т-02 формулировка отличалась только названием.

— Здесь очищенный, — сказал Павел.

— А по телефону — что остатки на месте уберём. Я не думала, что мне полированный привезут.

— Полировка тут ни при чём. Нужно понять, что именно сняли и что осталось. У вас акт выполненных демонтажных работ есть?

— Мне его зачем? Я не демонтаж заказывала. У меня покупка.

— Верно. Мы и не просим документ, которого у вас может не быть.

Инга посмотрела через дверное окно на пролёт. Кулагин у ремонтного стола уже занимался второй деталью. За его спиной проходила граница между работающей мастерской и двумя неподвижными корпусами.

— До оценки материала я рекомендую не продолжать его снятие, сухую зачистку и всё, что поднимает эту пыль. Не сдувать её воздухом, не разносить при уборке.

— А убирать как?

— Не импровизировать. Нужен подходящий порядок работы с этими остатками. Сейчас — ограничить доступ и не трогать. Можно связаться со специалистами, передать фотографии и описание.

Полина положила план на стол.

— Вы приехали человека искать. Теперь у меня работа стоит.

— Эту подготовку стоит остановить. Про весь ремонт я не говорю.

— Для вас это одна подготовка. А у меня под неё место освобождено и люди ждут.

Инга услышала в себе готовую фразу о том, что не отвечает за хозяйственные решения. Произнести её было бы легко, особенно сейчас, до каких-либо результатов.

— Я вижу. Но неизвестный старый материал нельзя признать пригодным для обычной зачистки только потому, что он достался вместе с нужным корпусом.

— Вы знаете, что это?

— Нет.

— А останавливать знаете.

— Не поднимать неизвестную пыль до проверки — да.

Полина отошла к окну. Во дворе появилась машина с высоким тентом, остановилась и тут же поехала назад.

— Не он, — сказала она, глядя наружу. — Этот на соседний склад.

Несколько секунд они молчали. Потом Полина взяла ручку.

— Напишите, какие именно действия не делать. Чтобы я людям не пересказывала «врач сказала всё бросить».

Инга составила короткую рекомендацию. Павел добавил обозначения двух узлов и указал, что состав не установлен. Полина прочла, спросила про перенос лежавшего рядом инструмента, затем вызвала Кулагина. Медицинского разговора не было: она показала ему перечень действий, которые до уточнения исключает из задания.

— У стола доделаешь, — сказала она. — К корпусам пока не идём.

Кулагин прочёл лист до конца.

— Я сегодня к ним и не собирался.

— Тогда завтрашнее тоже меняю.

Он кивнул и вернул ей бумагу. Не посмотрел на Ингу.

***

Доставка добралась в начале четвёртого. Привезли металлический шкаф для инструмента и два ящика крепежа, но водитель не мог найти место, где взять подпись: в накладной значился старый арендатор.

Полина вышла разбираться. Павел переставил фургон, освободив машине возможность сдать к навесу. Инга, шедшая к пассажирской двери за зарядным устройством, попала под съехавшую с края навеса воду. За воротник не затекло, но рукав промок до локтя.

— Вас же просили по доскам, — сказала вернувшаяся Полина.

— По доскам и шла.

— Значит, ещё и сверху надо смотреть. У нас полный сервис.

Она повесила свою куртку на сушилку возле входа в конторку и сняла с неё пустую вешалку для Инги. Один из прутьев провалился, вешалка соскользнула на пол.

— Вот зараза. Опять.

Павел придержал раму.

— Крепление потеряли.

— Оно не потерялось. Оно каждый раз сюда падает.

Полина указала на щель между шкафом и стеной. Вынула из стакана на столе длинную линейку, достала ею маленькую гайку. Павел посмотрел на резьбу.

— Здесь она сама отворачивается. Есть ключ?

— Если в ремонтной мастерской нет ключа, можно уже не открываться.

Она принесла небольшой ящик. Они положили пустую сушилку на бок, и Павел занялся соединением. Полина тем временем вытерла стол влажной тряпкой, отодвинула документы и достала из холодильника кастрюлю.

— Есть будете?

— Мы задержали вас и так, — сказала Инга.

— Меня задержал человек с накладной на чужую фамилию. Вы пока ничего не ели. Разогрею на всех, мне без разницы.

Кулагин вошёл после окончания работы, в чистом свитере. Руки он держал под струёй у маленькой раковины долго, поворачивая ладони. Полина поставила на стол хлеб, солёные огурцы и четыре разные тарелки. В кастрюле была гречка с мясом и морковью.

— Обед, — объявила она. — По местному времени.

Павел поставил сушилку и проверил, не складывается ли рама.

— Эту в эксплуатацию можно. Только без людей.

— А людей чем сушить? — спросила Полина.

— С людьми у нас каждый раз отдельное заключение.

Кулагин коротко усмехнулся. Инга повесила куртку так, чтобы мокрый рукав не касался стены.

Ели сначала молча. За перегородкой остывал чайник, из мастерской доносилось перекатывание колёс: второй работник убирал тележку к стене. Полина повернула к себе телефон, прочла сообщение и набрала ответ одним пальцем.

— Клиент? — спросил Павел.

— Угу. Можно ли завтра к восьми. Можно. Только ему кажется, что «завтра к восьми» начинается завтра в семь.

— Давно у вас своё место? — спросила Инга.

— Четвёртый год. Мне тридцать девять, из них три года я знаю, кто виноват, если обещала не то.

Она убрала телефон экраном вниз.

— До этого у других работали?

— Снабжение, потом заказы вела. Работу найдёшь, всё с людьми проговоришь, потом приходишь к начальнику — а он уже эти часы другому пообещал. И ты иди объясняй, что у нас обстоятельства. Здесь хотя бы не надо угадывать, что мне за спиной решили.

Кулагин потянулся за хлебом.

— Здесь ты себе сама обещаешь больше, чем успеваешь.

— Это да. Зато претензию далеко нести не надо.

Полина улыбнулась ему и снова посмотрела на Ингу.

— Мне не завод нужен. Я не хочу пятьдесят человек и проходную. Хочу принимать заказ, который могу сделать от начала до конца. Не звонить потом: «Возьмите нас, пожалуйста, раньше». Людям всё равно, кто там кого в очередь не поставил. Я срок назвала.

Инга вспомнила свободный прямоугольник на полу. До этой минуты он был для неё местом планируемого оборудования. Теперь в нём помещалась ещё и Полинина привычка отвечать на звонки, не отправляя человека к следующему начальнику.

— Вы сами вначале всё покупали? — спросила она.

— Что-то своё продала, что-то заняла. Первый стол муж сварил, ещё до развода. Стол хороший, поэтому оставила.

Кулагин хмыкнул, Павел наклонился над тарелкой. Полина не стала развивать шутку.

— А у вас фургон свой?

— Центра, — ответил Павел.

— И он вас кормит или вы его?

— Чередуемся.

Разговор ушёл к зимней резине, дороге и человеку, который дважды приезжал менять доводчик на входной двери, а в результате снял его совсем. Инга допила чай и поймала себя на том, что уже несколько минут не думала ни о Барышеве, ни о двенадцати строках.

Кулагин отодвинул тарелку, прикрыл рот локтем и закашлялся. Два коротких толчка перешли в более длинный; он отвернулся к стене, переждал, взял воду. Полина не спросила, что с ним. Павел продолжил собирать посуду, не делая вид, что срочно занят.

Инга тоже не стала задавать вопросы при всех.

Когда Кулагин вышел в коридор за курткой, она подошла к двери.

— Алексей Геннадьевич, можно на минуту?

Он обернулся, уже просунув руку в рукав.

— Опять?

— Другое. Я слышала кашель. Хотела предложить отдельный разговор о здоровье. Без передачи Барышеву или Полине.

— Она его и так слышит.

— Слышать кашель и получать медицинские сведения — не одно и то же.

Он застегнул молнию до середины.

— Вы сейчас скажете, что от этой грязи?

— Сейчас не скажу. Не знаю, когда началось, как менялось, что было раньше. И одного кашля для такого вывода недостаточно.

— Кашель у меня не со вчера.

— Тем более стоит поговорить отдельно.

Кулагин посмотрел на часы над дверью. Инга уже собиралась предложить вечерний звонок, потом завтрашнее раннее утро — любое время, которое позволило бы не оставить его с одним предложением. Он опередил:

— Сегодня не буду. Если приедете ещё, скажете заранее. После трёх смогу.

— Хорошо. Позвоню вам, согласуем день.

— Только не с другого номера. Незнакомые я не беру.

Она показала ему номер на телефоне. Он сохранил, набрал её, дождался звонка и отключил.

— Вот теперь есть.

— Сейчас дышать не трудно?

— Нет.

Он ответил без прежнего раздражения, но задерживаться не стал. Вышел во двор, и вскоре за окном загорелись фары его машины.

Полина мыла тарелки. Инга взяла полотенце и начала вытирать, пока хозяйка не успела предложить ей сесть. Тяжёлая керамическая тарелка была тёплой; на дне осталась выцветшая надпись из чужого сервиза.

— По покупке что вам дать? — спросила Полина.

— Копии описания и относящихся к нему документов. С вашим разрешением выясним, как узлы готовили к продаже. Сначала запросим сведения, без обещания, что всё решится одним письмом.

— Запрашивайте. Мне самой надо знать. Только сначала мне ответ покажите, а не Леониду Григорьевичу.

— Вопросы по вашей покупке будем согласовывать с вами. Новую работу и расходы — тоже отдельно.

Полина поставила последнюю тарелку на край раковины.

— И фотографии я поищу. Там ещё машина в кадре должна быть.

Они переписали контакты продавца. Полина разрешила сделать копии, оставив у себя оригиналы. На листе согласованных вопросов появилась её подпись и сегодняшняя дата. Пока Павел проверял, читаются ли страницы, Инга сняла куртку с сушилки. Рукав оставался влажным у манжеты.

Во дворе она позвонила Барышеву. Он ответил сразу.

— Ну что?

— С Алексеем Геннадьевичем лично поговорили. Он разрешил сообщить, что связь установлена и о непосредственной опасности он не заявляет.

На другом конце стало тихо. Потом Барышев выдохнул:

— Слава богу. Значит, у Полины? Я же говорил. Что он там теперь делает?

— Об этом он не разрешил рассказывать.

— Да я примерно знаю. Вы ему сказали, что я волнуюсь?

— Сказала.

— И что ответил?

Инга посмотрела на дверь мастерской. Полина закрывала наружный ящик с песком, придавливая крышку коленом.

— Содержание разговора мы не передаём. Он знает, что вы пытались связаться.

— Понятно, — сказал Барышев после паузы. — Хоть это. Спасибо.

В фургоне было тепло. Замена обогревателя не требовала внимания, и Павел впервые за день снял перчатки, не торопясь надевать их обратно.

Перед выездом они проверили, что сохранили нужные снимки. На фотографии Т-01 номер читался целиком. Ниже белых цифр выступал неровный край старого слоя; на металлической полке лежала крошка.

Павел открыл рядом копию описания покупки.

— «Очищенный», — прочёл он. — Нужно узнать, что под этим приняли.

Инга отметила следующий адрес — исходную площадку в Сухоборске. Для Кулагина у неё теперь был личный номер и договорённость о звонке. Для двух корпусов — фотографии, документы покупки и вопросы к тем, кто готовил их к вывозу.

Павел убрал ноутбук. За воротами Полина подняла руку, показывая, что дорога свободна. Фургон медленно вышел из двора; пустой прямоугольник в глубине мастерской скрылся, когда она закрыла дверь.

Глава 3. Чистое по акту

Дёмина остановила их у входа в корпус, пока двое рабочих перекатывали через порог пустую кабельную катушку. Один тянул её за край, другой придерживал сзади. Катушка застряла в выбоине.

— Не дёргайте. Подкладку возьмите, — сказала Дёмина.

Рабочий обошёл её, принёс короткую доску. Людмила Романовна отступила, пропуская его, и только тогда повернулась к Инге.

— До пятницы здесь должен быть свободный проход. Они уже стеллажи привезли.

За катушкой виднелись новые стойки, стянутые упаковочной лентой. На стене мелом обозначили высоту будущих ворот. Нижний край старой таблички «Термический участок» закрывала лестница; над ней электрик снимал короб, придерживая его плечом.

Встречу согласовали накануне вечером. Дополнительную поездку и разбор доступных документов включили в отдельный короткий этап; профильных исследований в его цене по-прежнему не было. Полина переслала подписанное разрешение на вопросы по своей покупке. Дёмина ответила через приёмную: документы покажут, на территорию проведут, вмешательство в оставшееся оборудование не предусмотрено.

Теперь она выдала им каски и показала дорожку вдоль стены.

— Только здесь. Пол ещё не везде закрыли после демонтажа.

В корпусе было холоднее, чем снаружи на солнце. От бетона тянуло через подошвы. Инга застегнула воротник, хотя впереди, у временной перегородки, рабочий стоял в одной толстовке: носил мешки со смесью, и спина у него потемнела.

Дёмина шла быстро. Невысокий каблук её утеплённых ботинок уверенно попадал между щербинами. Ей было пятьдесят пять; возраст Инга знала из представления к встрече, но сейчас замечала не его, а привычку останавливаться ровно там, где чужому человеку следовало остановиться. Перед пересечением проходов Дёмина подняла руку, дождалась, пока провезут тележку, и пошла дальше.

— Здесь прекращено термическое производство, — сказала она. — Не вся деятельность владельца площадки. Соседние помещения работают. Этот корпус передаём под хранение и комплектацию, без печей.

— Когда прекратили выпуск? — спросила Инга.

Дёмина назвала месяц, потом уточнила:

— Последнюю производственную партию закончили раньше. После неё были обслуживание и подготовка к разбору. Даты вам дадут отдельно.

Там, где стояло оборудование, остались прямоугольники другого цвета. На одном из них каменщик заделывал углубление вокруг срезанного основания. Рядом лежал лист с планом пола, прижатый рулеткой. Человек сверялся с ним, прежде чем развести новую порцию раствора.

Инга не увидела запустения. Корпус был занят работой по устранению прежней работы: зашивали проёмы, убирали выступы, меняли освещение. Места, к которым люди годами подходили одним и тем же движением, становились ровным полом для другого назначения.

— Бывшая смена сейчас где? — спросила она.

— Часть перевели на другие работы. Часть ушла. Кадровые сведения третьим лицам я здесь выдавать не буду.

— Нам не нужен общий список личных дел. Кто организовывал работу после прекращения выпуска?

— До передачи участка — наши ответственные. Демонтаж — «Контур-разбор». У них свой договор, свои исполнители.

У перегородки молодой мужчина в вязаной шапке поднялся с корточек.

— Людмила Романовна, по старым подвесам кто подпишет? Мне сказали, они сняты, а два ещё наверху.

Дёмина посмотрела туда, куда он указывал.

— Не трогайте их. Покажете ответственному от демонтажников. Где в листе?

Он подал ей бумагу. Она прочла строку, достала телефон и сделала снимок.

— Передам. Закрывать потолком пока не надо.

Мужчина забрал лист и вернулся к своей разметке.

— Он у вас работает? — спросила Инга, когда они отошли.

— У подрядчика будущего арендатора.

— А кто мог бы сказать, кто снимал оборудование на этом месте?

— Серов. Именно поэтому я попросила его приехать.

— Постоянная бригада разборки ещё есть?

— Насколько знаю, уже нет. Работы здесь заканчиваются.

На дальнем участке стучал молоток. Удар был глухой, одинаковый, не похожий на звуки действующей мастерской Полины. Инга представила её тесный двор: два корпуса уже стали там покупкой, будущим участком, работой для конкретных рук. Здесь они были выполненным объёмом, который следовало вычесть из оставшегося.

— Мне важно понять, — сказала Дёмина, — вы проверяете нашу приёмку или представляете претензию Усольцевой?

— Пока выясняем, как готовили проданные ей узлы. И что известно об оставшихся материалах.

— Ей продавали не новое оборудование.

— Это в документах видно.

Дёмина чуть повернула голову, словно ждала продолжения. Инга его не добавила.

В административной пристройке было тепло. У двери кабинета стояли мокрые ботинки в полиэтиленовом лотке; на подоконнике сохли чьи-то перчатки. Дёмина сняла каску, поправила примятые волосы и позвала сотрудницу с папкой.

— Приёмка, приложения по термическому. И перечень переданного имущества.

На стол легли оригиналы в прозрачных карманах. Дёмина вынула несколько листов, разложила перед Павлом.

— Металл отдельно, снятая теплоизоляция отдельно, отходы отдельно. Вот объём. Вот сдача. Поэтому я и не понимаю, что теперь предлагают проверять у нас.

Инга посмотрела на последнюю страницу. Под напечатанными строками стояли две подписи, дата и печать «Контур-разбора». В одном приложении напротив Т-01 было указано отделение теплоизоляции. Без оговорки о доочистке у покупателя.

Павел положил рядом копию описания покупки. Не стал ещё доставать фотографию.

— Это относится именно к этому корпусу? — спросил он.

Дёмина сверила обозначения.

— Да.

***

Серов приехал с большим стаканом кофе и телефоном, который продолжал дрожать у него в руке. Перед тем как войти, он закончил разговор:

— Нет, машину на весь день не держим. По часам. Если не успеваете, сначала звоните, потом продлеваете.

Он поставил стакан на свободный край стола и поздоровался. Кириллу Вадимовичу было сорок четыре года; в короткой куртке, с мокрым следом от ремня сумки на плече, он выглядел человеком, которого выдернули из очереди дел, каждое из которых уже опаздывало.

— Что у Полины? — спросил он. — Не запускается?

— Мы ничего не запускали, — ответил Павел. — Речь о состоянии после демонтажа.

— А, про грязь. Мне передали.

Он сел, но куртку не снял. Дёмина подтолкнула к нему акт.

— Покажите, что вы сдавали. Здесь вопросы по первому и второму корпусам.

Серов глянул на номер страницы.

— Отделение изоляции, подготовка металла. Всё по перечню.

Павел открыл ноутбук. На экране появился Т-01 целиком: белые цифры, снятый край обшивки, неровный серый слой.

— Это снято у получателя позавчера. С её разрешения. Без разборки с нашей стороны.

— Ну, старое оборудование, — сказал Серов. — Строительная грязь. Она что, хотела после мойки?

Павел увеличил участок под номером.

— Здесь не только рыхлое загрязнение на поверхности. Видны сохранившиеся слои под обшивкой. Что именно вы называли отделением теплоизоляции?

Серов наклонился к экрану, прищурился.

— Основной объём сняли. По углам всегда что-то остаётся.

— Остаток был оговорён в сдаче?

— Это имущество под восстановление.

— Сейчас не о пригодности к запуску. В акте написано, что операция выполнена. Нам нужно понять её фактический объём.

Дёмина сняла очки, протёрла одну линзу и снова надела.

— Кирилл Вадимович, покажите технологическое описание. Может быть, там есть допуск по остаткам.

— Его надо поднять.

— Значит, поднимите.

Серов достал телефон, но не стал звонить.

— Вы сейчас на фотографии что хотите определить? Состав? Так это невозможно.

— Состав по фотографии я не определяю, — сказал Павел. — Я сопоставляю видимое состояние с названием выполненной работы.

— Оно могло измениться после нас. Её везли открытой машиной. Потом разгружали, ставили рядом с другим. Кто знает, что там накидали.

Инга посмотрела на снимок. Рваный край Полина назвала старым, но у них пока оставались только её слова и сегодняшний вид. Обшивку в мастерской приподнимали — это тоже следовало сохранить, а не спрятать как неудобную подробность.

— Часть кожуха у получателя поднимали, — сказала она. — Для осмотра креплений. Хозяйка сообщила об этом сразу.

Серов откинулся.

— Вот видите.

— Это ещё не отвечает, какие слои были под ним при вывозе. Вашу версию о последующем загрязнении запишем. Нужны фотографии погрузки.

— У меня не фотоателье.

— Кто снимал груз перед отправкой?

— Водители обычно снимают крепление. Может, кто-то из ребят. Надо спрашивать.

— Спросите, — сказала Дёмина. — И мне пришлите.

Павел открыл второй снимок, с общим видом и номером, затем вернулся к документу. Под Т-01 стояло несколько позиций: металлический корпус, отделённый материал, уборка места. По строкам операция распадалась на понятные части; фотография пока не позволяла уверенно развести их.

— Где находилось имущество между приёмкой и вывозом? — спросил он.

— Здесь, потом у ворот, — ответил Серов.

— Вместе со снятыми материалами?

— Там не складирование на годы. Погрузочная зона. Что подготовили, то вывезли.

— Есть схема размещения или сменные записи?

— Схема, наверное, в задании была. Вы весь демонтаж хотите поднять?

— Только то, что позволит установить состояние и путь этих партий. Для начала.

Серов провёл ладонью по затылку. Кофе он ещё не пил.

— У меня сейчас людей нет, чтобы они сидели и вспоминали каждую машину.

— Фирма работает? — спросила Инга.

Он посмотрел на неё с недоумением.

— Конечно. Почему нет?

— Вы сказали, людей нет.

— Свою бригаду после участка распустили. Часть на другие объекты ушла. По отдельным работам подрядчики. Техника вообще не наша, арендная. Это нормальная организация.

— Кто выдавал задания тем, кто готовил Т-01?

— Надо смотреть по дням.

— Кто принимал их работу до общей сдачи?

— Тоже зависит от операции.

Инга записала два вопроса. На них нельзя было ответить общей подписью Серова внизу акта. Она подумала о трёх фамилиях в папке Барышева, но не стала выкладывать их на стол. Разговор о чужом имуществе не давал права сообщать, где нашёлся Кулагин и о чём согласился говорить.

Дёмина придвинула к себе приложение.

— У нас договор с организацией. Не с каждым привлечённым человеком. Я не могу вести их табель.

— Ваш табель мы и не просим, — сказала Инга. — Нужны основания вашей приёмки.

— Акт выполненных работ. Осмотр освобождённого корпуса. Исполнитель отвечал за подготовку.

— Какие материалы обследовали до разборки?

В кабинете на секунду стало слышно, как за стеной работает принтер.

— Документы, которые были у технической службы, предоставляли подрядчику, — ответила Дёмина.

— Там есть результаты определения состава старой изоляции?

— Я не буду отвечать по памяти.

— Тогда перечень обследованных материалов и сами результаты. С привязкой к местам, если она была.

Серов подался вперёд.

— Подождите. Вы ещё не знаете, что там такое, а уже остановили Полине работу?

— Мы рекомендовали не снимать и не зачищать неизвестные слои с образованием пыли. Решение по заданиям приняла она. Обычный ремонт продолжается.

— Это можно было просто домести.

— Чем?

— Чем обычно. Щёткой, пылесосом.

— Каким пылесосом? Для какого материала? Куда потом его содержимое?

Серов взял стакан, сделал глоток. На крышке остался след кофе.

— Инга Николаевна, маленькие мастерские так не живут. Вы им сейчас исследование назначите дороже покупки.

Она вспомнила тарелки из разных сервизов, тёплый край керамики в руках. Полина купила возможность не зависеть от чужого срока. Пока вместо неё получила ещё один срок, который никто не мог назвать.

— Стоимость нужно посчитать, — сказала Инга. — Но неизвестный материал не становится известным оттого, что исследование дорого.

— А если там ничего?

— Тогда результат позволит уточнить дальнейшие действия. Сегодня такого результата нет.

Дёмина закрыла папку ладонью.

— Давайте без спора о будущем. Я предоставлю доступный комплект. Серов даст свои пояснения. Но передачу корпуса мы из-за вопросов по проданному имуществу сейчас отменять не будем.

— Мы не выдаём распоряжение об отмене передачи, — ответила Инга. — И не подтверждаем, что вашего комплекта достаточно для всех принятых решений. Пока нам показали акты. Результатов обследования материалов здесь нет.

— Здесь, — повторила Дёмина. — В этой папке.

— Так и запишем.

***

Софья подключилась после двух. На её стороне сначала было видно только край шарфа и потолочную лампу; потом она поставила телефон устойчивее.

— У меня сорок минут до следующей встречи. Начнём с того, на какие вопросы ответ ещё не получен.

Павел развернул к камере лист. Софья попросила прислать файл: со стола читать было невозможно.

Серов наконец снял куртку. Под ней оказался тонкий джемпер, слишком лёгкий для корпуса. Он сел ближе к батарее и уже без прежней торопливости просматривал запрос.

— «Сохранить первичные материалы». Вы мне запрет на удаление присылаете?

— Нет, — сказала Софья. — Это письменная просьба обеспечить сохранность относящихся к спорным партиям документов и файлов. У нас нет полномочий изымать вашу переписку. Но отсутствие запрета не делает разумным её уничтожение после получения вопросов.

— Всю переписку я вам не дам.

— Всю не просим. Задания по подготовке указанных узлов, сведения о фактическом выполнении, фотографии до вывоза, документы передачи. Личные разговоры, не относящиеся к этому, не нужны.

— И чтобы потом мои цены по рынку гуляли?

— Можно отдельно согласовать объём копий и доступ. Номер рейса, дата и состояние груза от этого не исчезают.

Дёмина взяла ручку.

— По нашим материалам ответит техническая служба. Копии актов дам сегодня. Исходные обследования, если есть в архиве, — после поиска.

Инга хотела спросить, сколько продлится «после». Софья успела первой:

— Какого числа вы сообщите результат поиска, в том числе если документ не найден?

Они согласовали дату. Для фотографий Серова срок получился другим: требовалось связаться с исполнителями. Обещания найти снимки в запрос не внесли. Внесли обязанность ответить, какие источники проверены и что удалось получить.

К концу разговора на столе лежал лист разногласий. Серов настаивал, что основной объём изоляции был отделён, а видимое загрязнение могло появиться позднее. Павел указал, что доступные фотографии показывают в том числе сохранившиеся слои и требуют проверки

объёма выполненных операций. Дёмина подтвердила приёмку по представленным актам, не согласившись с тем, что обнаруженное у покупателя само по себе опровергает её результат.

— Последнее оставьте, — сказала Инга.

Павел поднял глаза.

— Оно там есть.

— Хорошо.

Ей не нравилась эта фраза, но сейчас она была верной. Пока никто не показал, как выглядел Т-01 у ворот исходного корпуса.

Когда связь с Софьей закончилась, Дёмина вызвала сотрудницу и передала ей комплект для копирования. На каждом приложении нужно было сохранить номер и оборот. Серов дал рабочий адрес для официального запроса и пообещал передать контакт перевозчика после согласования с ним.

— Номера машин у нас тоже должны быть, — сказала Дёмина. — Посмотрят по пропускам.

Это был первый ответ за день, который не возвращал их к акту.

Выйдя в коридор, Павел позвонил Дине Векшиной. Инга отошла к окну: стекло там было мутным от конденсата, и сквозь него различалась только красная крыша будки у весовой.

— Дина Михайловна, два старых корпуса с неизвестными слоями изоляции… Нет, образцы сами не брали. Фотографии, номера, документы покупки. Нужны профильный осмотр и идентификация материала.

Он слушал, глядя на закрытую папку.

— Понимаю. Нет, мы не включаем это как собственное исследование. Наш знак аккредитации к вашему результату отношения иметь не будет. Мы связываем объект с документами, вы определяете программу своей части.

Инга повернулась. Павел поймал её взгляд, включил громкую связь, предупредив собеседницу.

— Со мной Инга Мельникова. Можно вместе?

— Да, — ответила Векшина. Голос был негромкий, с короткими паузами, словно она одновременно просматривала присланный перечень. — Только сразу: по одному удобному сколу заключение о двух корпусах я не дам. Сначала посмотрим устройство, где какие слои, что уже снимали. Фотографии нужны общие и крупные, без дополнительного вскрытия ради нас.

— Такие есть, — сказал Павел. — Можем отметить предполагаемые точки.

— Можете отметить, что видели. Точки отбора выберет наш специалист. И если доступа не будет, в этот выезд всю задачу не закроем.

Павел помолчал.

— Хорошо. На снимках будут номера участков, не точки отбора.

Векшина назвала ближайшее окно выезда. До него оставалось два дня. Предварительное предложение и стоимость первого этапа она могла прислать к вечеру; дальнейший объём зависел от осмотра. Отдельно спросила, прекращена ли разборка.

— Хозяйка исключила её из заданий, — ответила Инга. — Нужно ли что-то дополнительно сообщить до вашего приезда?

— Не устраивать уборку специально к отбору. Не открывать недоступное и не переносить корпуса для красивого общего вида. По ограничениям доступа я напишу в подготовке к выезду. Если на месте иная обстановка — сначала звонок.

— Результаты направляете заказчику напрямую, нам — по согласованному разрешению, — сказал Павел.

— Именно. И подписываем мы.

— Договорились.

Они закончили разговор. Павел убрал телефон.

— Хотел заранее нарисовать им всю сетку, — сказал он.

— Они её ещё не просили.

— Я заметил.

В конце коридора сотрудница придерживала локтем дверь с копиями. Павел пошёл помочь, а Инга позвонила Полине.

Та ответила не сразу. В трубке скрежетнуло что-то тяжёлое, затем стало тише.

— Я в конторку вышла. Что нашли?

Инга объяснила про акт отделения изоляции, возражение Серова и запрошенные материалы погрузки. Не назвала акт ложным, хотя Полина после первой же фразы спросила:

— Значит, мне продали то, чего по их бумаге уже нет?

— Пока на бумаге выполнена операция, а на корпусе видны слои. Нужно проверить, что было при передаче. Ваш ответ о поднятом кожухе мы тоже сохранили.

— Сохраняйте. Я не собираюсь говорить, что мы к нему вообще не подходили.

— Лаборатория готова приехать через два дня. Сегодня даст предложение по первому этапу. Это отдельная работа и отдельный счёт. Вам направят напрямую.

— А кто платить будет?

Инга посмотрела на папку, которую Павел держал под мышкой. Очень хотелось ответить: тот, кто должен. Пока это была бы только фраза, за которую Полина не смогла бы заказать исследование.

— Сейчас нужно согласовать заказ и оплату. Распределение расходов между вами, продавцом и другими участниками ещё не установлено. Мы не будем обещать возврат денег до оснований для требования.

Полина молчала. Через стенку конторки кто-то спросил её о размере, она ответила и вернулась к телефону.

— Присылайте. На два корпуса первый осмотр посчитайте. Больше без меня не заказывайте.

— Не будем.

— И что мне завтра говорить людям? Сегодня ремонт ещё был. На завтра я часть подготовки им сняла.

— Пылеобразующие работы по этим корпусам пока не возвращайте. Лаборатория пришлёт условия выезда. Отсутствие результата сейчас не означает, что можно продолжить.

— Это я поняла ещё вчера.

Инга сжала телефон чуть сильнее.

— Да. Я повторила.

— Мне нужно знать, сколько ждать.

— Ближайший выезд — через два дня. Срок результата исполнитель укажет после согласования задачи. Всё, что узнаем раньше по документам, передадим вам.

Полина выдохнула.

— Ладно. Смету посмотрю сегодня. Только не ночью: после девяти я уже ничего не понимаю в этих приложениях.

— Попрошу прислать раньше.

Она закончила разговор и некоторое время стояла у окна. Внизу человек в сигнальном жилете поправлял стойку временного знака. Она кренилась в мокром снегу; он выбрал другое место, утоптал его каблуками и поставил знак заново.

На обратном пути к машине Дёмина догнала их у выхода.

— Запрос зарегистрирован. Номер отправят на вашу почту. Копии получили?

— Получили, — сказал Павел.

— Я хочу, чтобы в ответе было понятно: речь о конкретном имуществе, не о том, что вся площадка опасна.

— Мы не обследовали всю площадку, — ответил он. — Такого вывода у нас нет.

Дёмина кивнула и вернулась в корпус. У проёма её снова остановили с вопросом. Она сняла перчатку, взяла карандаш и что-то исправила на плане.

В фургоне Павел проверил страницы. На одном обороте край текста оказался слишком светлым; он отметил его для повторной копии. Затем открыл фотографию Т-01 рядом с приложением к акту.

В таблице металл, изоляция и отходы занимали отдельные строки. На снимке под белым номером сохранился край обшивки, серый слой под ним и крошка на металлической полке.

Инга придвинула к себе лист с запросом. Возле слов «состояние перед погрузкой» стоял срок ответа, но самого ответа ещё не было. Для следующей встречи им требовался человек, который видел этот корпус раньше, чем он оказался у Полины, и снимки, сделанные не после их вопросов.

Глава 4. Кузов помнит вес

Водитель попросил подождать, пока ему поставят задний фонарь.

— На линию с таким не выпустят. А вы, если начнём, быстро не закончите.

Он стоял у открытого борта, держа в ладони две гайки. Под кузовом шевелился рукав механика. Когда из-под машины высунулась рука, водитель положил в неё одну гайку, вторую оставил себе.

Инга отошла к стене бокса. Здесь было теплее, чем во дворе, но пахло выхлопом и мокрой резиной. Над верстаком работал радиоприёмник; слова терялись в треске, и никто не пытался настроить его лучше.

Контакт перевозчика нашёлся в документах Полины. Вечером она переслала номер заказа, а утром подтвердила, что разрешает обсудить относящуюся к её покупке доставку. Перевозчик согласился показать свои материалы и по другим рейсам с «Термодетали», если разговор будет об этих грузах, а не обо всех его заказчиках. Они приехали к ремонтному боксу на окраине Сухоборска: на отдельную встречу в конторе водитель времени не дал.

— Чуть выше, — сказал он механику. — Нет, провод сначала убери.

Павел держал папку под мышкой. Со вчерашнего дня на её корешке появилась полоска скотча: пластик треснул на морозе. Инга посмотрела на часы. Кулагин согласовал беседу на половину четвёртого, после своих заданий. До Лесной Пристани ещё предстояло доехать.

— Успеваем, — сказал Павел, заметив её взгляд.

— Я пока ничего не сказала.

— У тебя часы уже сказали.

Фонарь зажёгся. Водитель обошёл машину, посмотрел на него издали, затем вернулся за курткой.

— Теперь можно. Только здесь не будем, всё масло на бумаги соберёте.

В комнате диспетчера стояли стол, два стула и узкий диван с просевшим краем. На подоконнике лежали шайбы, придавленные банкой кофе. Водитель снял банку, подставил её под капель с оконной рамы и освободил место для папки.

— Какие номера вам нужны?

Павел показал перечень партий.

— Сначала эти два. Доставка Усольцевой. Потом рейс с корпусом и настилом, если он ваш.

— Корпус и плита — наш. Настилом это у них называлось. По мне, плита.

Он открыл на компьютере папку с месяцем, выбрал заказ. В соседнем окне появилась фотография борта с натянутыми ремнями.

— Снимали вы? — спросил Павел.

— Я. Перед выездом. Чтобы потом не говорили, будто в дороге помял.

— Сам файл сохранился?

— Так это он. На телефон снимал, сюда скинул.

Водитель достал телефон и нашёл ту же серию. Между снимками груза были колесо с порезом, пачка накладных и фотография собаки возле будки.

— Всё подряд вам не надо?

— Только относящееся к этим рейсам. И документы, с которыми можно сопоставить.

Водитель кивнул. Собаку пролистнул.

На первом снимке Т-01 ещё стоял на площадке у ворот. Белый номер был виден не целиком, зато хорошо читалась последняя цифра. На следующем корпус находился в кузове. Под отогнутым краем металла шла неровная серая полоса. Инга узнала угол, который видела у Полины, но здесь кожух лежал ниже и закрывал часть поверхности.

— Это до крепления? — спросил Павел.

— Первый — пока ждали погрузчик. Второй уже на машине, но ремень ещё не затянут.

— Ворота «Термодетали»?

— Их. Вот будка. И труба за ней.

Павел придвинул снимок из мастерской, не накладывая его поверх старого.

— Здесь совпадают проушина, вмятина и положение номера. Нужен исходный файл без пересылки через мессенджер. Дату свяжем с заказом и пропуском.

— У фотографии же дата стоит.

— Стоит. Но часы телефона могли быть выставлены иначе. Лучше, когда есть ещё один источник.

Водитель потянулся к верхней полке и достал конверт с топливными чеками.

— Пропуск, если не выбросил, тут. Мне после рейса всё в один конверт удобно.

Он высыпал бумаги на стол. Из-под кассового чека выпала сложенная вчетверо весовая квитанция. Павел разгладил её тыльной стороной ладони.

— Здесь меньше, чем в приложении к отгрузке, — сказала Инга.

— Там на других весах, — ответил водитель. — И вы посмотрите, что взвешивали.

В приложении стояла масса двух мест. В квитанции — гружёная машина, отдельной строкой её тара. Павел нашёл вторую квитанцию и задержался над ней.

— Порожнюю в тот же день взвешивали?

— Нет. Тара раньше записана. Я тогда без этих подкладок ездил. И стропы другие были.

— Запасное колесо?

— Было. Только вы по ста килограммам сейчас ничего не поймаете. У меня инструмент бывает то весь здесь, то половина в ремонте.

Инга отпустила угол листа. Разница уже успела показаться ей следом операции: что-то сняли, что-то оставили, что-то заменили. На столе же лежали два числа, полученные не одинаковым способом.

— По этим квитанциям массу снятого материала не определить, — сказал Павел. — Нам важны привязка к рейсу и состав загрузки.

— Вот. А кузов помнит, что тяжёлое вёз, но сколько там грязи — он вам не скажет.

Водитель нашёл пропуск и положил рядом с заказом. Номера машины и дата сходились. В путевой записи было ещё время выезда; с отметкой файла оно не спорило, но Павел всё равно сохранил оба источника отдельно.

На последнем снимке Т-01 стоял во дворе Полины. Под полкой виднелись мелкие светлые кусочки. По фотографии нельзя было сказать, упали они при разгрузке или лежали там прежде. Зато серый слой под обшивкой был виден и на погрузочном снимке.

— Вы просили убрать это до отправки? — спросила Инга.

Водитель посмотрел внимательнее.

— Я просил, чтобы ничего на дорогу не сыпалось. Мне сказали: закреплено. Я не специалист по тому, что у него внутри.

— Кто сказал?

Он назвал должность, но фамилии не вспомнил. Описал мужчину в тёмной куртке, потом сам остановился:

— Там все в тёмных куртках. Не пишите, будто я его сейчас узнаю по любому снимку.

Инга записала только то, что он мог подтвердить.

Рейс на «Поворот» нашёлся в другой папке. Там было меньше фотографий: общий вид кузова, крепление у переднего борта, подпись на документе. Корпус с обозначением Т-07 закрывал часть груза. Т-08 лежал ниже; на торце можно было различить нанесённый номер.

— Эту пару куда поставили? — спросил Павел.

— На двор кооператива. Там ещё будка синяя, ворота в сторону старой котельной. Мне показали место, я туда подал.

— «П-в. двор» — это он? — Инга повернула исходный список.

— Может быть. Я ваших сокращений не знаю. У меня адрес полный.

В накладной получателем доставки был указан «Поворот». Водитель расписался за перевозку, рядом стояла отметка принятия груза.

— После разгрузки уехали?

— После подписи. Ещё минут двадцать ждал, пока выезд освободят.

— Это их покупка или временное размещение?

— Мне не говорили.

— Не забирали потом оттуда?

— Я — нет.

Павел отодвинул к себе исходный перечень. Возле Т-07 и Т-08 он собирался перенести полный адрес, но теперь написал: «Доставлено на двор. Дальнейшее нахождение не подтверждено».

Инга перечитала накладную. В ней не было ошибки. Машина выехала, груз прибыл, человек на месте его принял. Документ аккуратно заканчивался ровно там, где водитель переставал отвечать за вещи.

Из бокса крикнули, что нужно переставить машину. Водитель закрыл папку с заказами.

— Остальное можете копировать, я разрешил. Только к чужим рейсам не лезьте. И мне потом перечень оставьте, что забрали.

Пока он выводил грузовик, Павел сохранил согласованные файлы в отдельную папку, сверил их количество и записал источник каждого. На двух снимках номера были закрыты ремнём; их не отбросили, но и не стали приписывать им больше, чем на них было видно.

Инга вышла во двор. За кабиной уже скопилась чёрная вода. Водитель открыл стекло.

— Про людей у меня не спрашивайте. Я их не возил. Кто грузил — видел, конечно. Но кто потом где работает, откуда мне знать?

— Мы не будем писать, что вы знаете.

Он кивнул и поднял стекло.

Перед отъездом Павел передал ему перечень скопированного. На дорогу у них осталось меньше времени, чем рассчитывали. Инга позвонила Кулагину и предупредила, что может задержаться на двадцать минут.

— Я до четырёх побуду, — сказал он. — После уже не жду.

Она поблагодарила и убрала телефон. Павел не прибавил скорости.

***

Кулагин сидел в маленькой комнате за конторкой. На столе перед ним лежали телефон и бумажный стаканчик. Куртку он не снял, только расстегнул донизу.

— Здесь устроит? — спросил он. — Дверь закрывается. Полина сюда после трёх никого не ставила.

Инга приехала на двенадцать минут позже назначенного. Полина встретила её у входа и показала комнату, не спрашивая, о чём они будут говорить. Павел остался с ней проверять полученное предложение лаборатории.

— Устроит, если вас устраивает, — сказала Инга. — Сначала поговорим. Для осмотра и исследований согласуем отдельное обращение в клинику.

— А сейчас опять согласия?

— Коротко уточним, что вы разрешаете. Разговор о здоровье не входит в отчёт Барышеву.

— Это оставляем как было.

— Полине?

— Ей тоже ничего. Если для работы понадобится, мне сначала скажете.

Инга объяснила разницу между медицинскими сведениями и необходимыми рекомендациями об ограничении конкретной работы. Кулагин слушал, глядя на стаканчик. Когда она закончила, передвинул его на край стола.

— Я не хочу, чтобы вы сейчас всем разослали: Кулагин больше не годится.

— Такого заключения у меня нет.

— Пока.

Она не стала отвечать на это слово. Открыла запись беседы.

— Что сейчас беспокоит больше всего?

— Кашляю. Здесь пыль подняли — стало хуже. Ночью иногда тоже.

— Когда заметили усиление?

Он назвал неделю, затем поправился: до первого снега или сразу после. Инга попросила связать время с событиями, которые он помнил точно. Выяснилось, что сильнее закашливался ещё до доставки корпусов, когда помогал разбирать старые стеллажи в другом помещении.

— Но там было недолго, — добавил он. — А здесь грязи больше.

— До этой осени кашель был?

— У кого его нет.

— У вас когда начался?

Кулагин потер большим пальцем край телефона.

— Зимой был. Прошлой. И раньше по утрам.

— Каждый день?

— Не записывал. Летом меньше.

Она спрашивала по одному: сухой или с мокротой, меняется ли в течение дня, бывают ли свист, стеснение в груди, температура. Он сначала отвечал коротко, словно выбирал наименее обязывающий вариант. Потом, когда понял, что за каждым «да» не следует готовый диагноз, стал уточнять сам.

— На холоде прихватывает. Особенно если сразу из тепла и что-нибудь несу. Постою — отпускает.

— Что значит «прихватывает»?

— Вдохнуть могу. А выдохнуть будто дольше надо. И кашель.

— В покое трудно дышать?

— Сейчас нет.

Крови в мокроте он не видел, недавней высокой температуры не помнил. О внезапной боли в груди и приступах удушья не сообщал. Инга уточнила, что изменилось с обычной нагрузкой.

— Раньше до остановки в горку быстро шёл. Теперь лучше заранее выйти.

— Как давно?

Он взглянул на дверь.

— Вы всё к старому возвращаете.

— Потому что усиление кашля сейчас и постепенное изменение за несколько лет могут быть разными частями одной истории. Если оставим только последние недели, помощь тоже выберем не по всей картине.

— А если это от работы?

— Будем проверять. Но сначала нужно понять, что происходит с дыханием. Не ждать, пока разберём каждый акт на оборудование.

Он снял куртку. Под курткой был чистый свитер с вытянутыми локтями.

Курить Кулагин начал в армии. Были периоды по пачке в день, последние годы, по его словам, меньше. Инга уточнила перерывы, количество, другие привычки и условия дома. Он не любил, когда разговор касался сигарет: на этом месте, как он объяснил, врачи обычно переставали спрашивать про цех.

— Я не перестала, — сказала она. — Но и курение убирать из записи не буду.

— Не убирайте. Только чтобы не вся причина в кармане у меня лежала.

Профессиональный маршрут оказался длиннее названия «термический участок». До «Термодетали» он несколько лет работал в ремонте, менял повреждённые детали рядом с печами, участвовал в очистке оборудования. О веществах говорил бытовыми названиями: белая набивка, шнур, старые маты. Не всегда мог вспомнить, что было новым материалом, а что снимали с оборудования.

Инга не подставляла названия вместо его слов.

— Руками снимали?

— Руками, скребком. Где как.

— В какие годы?

Он назвал два года, задумался и передвинул начало на год позже: тогда родилась дочь, и он ещё работал в другой бригаде. Пришлось оставить приблизительный период до трудовых документов.

— Сколько смен так работали?

— Не каждую. Когда ремонт.

— Длительность помните?

— Если скажу восемь часов, вы и запишете восемь. А мы там то ждали, то уходили. Не помню.

Инга записала, что частота и длительность требуют уточнения. Кулагин наклонился к листу.

— Вы хоть должность правильно напишите. Я не всё время термистом был.

Она повернула запись к нему. Он указал два перехода, которые она расположила подряд, и вставил между ними работу у другого работодателя.

О прежних обследованиях он вспомнил, когда Инга спросила, назначали ли что-нибудь из-за кашля.

— Дули в аппарат. Давно. Там женщина говорила сильнее, а я уже весь воздух выдул.

— Результат сохранился?

— Дома, наверное. Или в поликлинике.

— Снимки грудной клетки делали?

— По осмотрам. И отдельно направляли. Тогда долго не проходило после простуды.

— Когда отдельно?

— Года три назад. Может, четыре. У меня на почте что-то было, сын пересылал.

Кулагин взял телефон, но не стал открывать почту. Положил его обратно.

— Если сыну позвоните, он сразу матери скажет.

— Ему не нужно звонить. Можно запросить материалы в той медицинской организации, где вы обследовались. С вашего разрешения и за нужный период.

— Всё, что у них есть?

— Сначала записи об обращении из-за кашля, исследование дыхания и снимки с описаниями, если сохранились. Если понадобится другое, обсудим отдельно.

Он назвал поликлинику и приблизительный год. Для снимков оказалось другое место. Инга записала оба адреса и попросила проверить их позже по доступным документам: запрос с ошибочным учреждением только добавил бы ожидания.

— И вы по старому снимку скажете, что со мной сейчас?

— Нет. Он поможет понять, что было раньше. Сейчас нужны осмотр, оценка дыхания и дальнейшие исследования по показаниям. Старые результаты их не заменяют.

Кулагин потёр ладонью грудь поверх свитера, будто только теперь почувствовал, как долго сидит.

— Мне пятьдесят четыре. Я ещё могу работать. Я не ради пенсии к вам сел.

— Я не предполагаю, что ради пенсии.

— Просто у вас как началось: снимок, аппарат, старые годы. Потом соберутся и будут решать. А я опять должен слушать, куда мне больше нельзя.

Инга знала соблазн ответить, что решение будет только его. Это тоже было бы неправдой: медицинские противопоказания не исчезали от нежелания человека о них знать. Но пока перед ней сидел мужчина с кашлем и неразобранной историей, а не готовое заключение о непригодности.

— Если найдём ограничение, я скажу, на чём оно основано и какой работы касается. Не буду обещать, что ограничений не окажется. И не стану заранее делать их на всю оставшуюся жизнь.

Он посмотрел на неё.

— Хорошо. Только не через Леонида Григорьевича.

— Напрямую с вами.

Для ближайшего обращения выбрали клинику, куда Кулагин мог доехать сам. Инга записала, что нужно взять, и объяснила, какие симптомы требуют не ожидания назначенного дня, а срочной помощи. Он повторил главное своими словами, без раздражения: внезапно тяжело дышать, боль в груди, кровь — не сидеть до приёма.

Разрешение на запрос старых материалов ограничили названными обследованиями и периодом. Вопрос о передаче семье остался закрытым. Кулагин забрал свой экземпляр и проверил номер Инги в телефоне.

— С нынешней работой-то что?

— Пылеобразующую подготовку корпусов не возобновлять. Это рекомендация по условиям работы, она не зависит от того, что найдём у вас. По здоровью — обратиться в ближайшие дни, не откладывать до анализа материала.

— Значит, кашель отдельно, корпуса отдельно?

— Они могут быть связаны. Но доказать одну историю другой нельзя.

Кулагин некоторое время складывал лист по уже сделанному сгибу. Потом убрал его во внутренний карман, где бумага не должна была намокнуть.

Когда они вышли, в мастерской уже горел весь верхний свет. Полина стояла у стола с Павлом. Между ними лежало предложение лаборатории.

— Мы закончили, — сказал Кулагин. — Я инструмент уберу и поеду.

Полина кивнула, не спросив о результате.

Инга подошла к столу. Первый этап осмотра и отбора был согласован; Полина сама отправила лаборатории подтверждение и платёжный документ. Передача результатов центру была указана отдельно. Павел проверил только, что в заказе остались оба корпуса и что время доступа подходит хозяйке.

— Завтра после обеда, — сказала Полина. — Если дорогу не закроет. Мне место подойти освободить или вообще ничего не трогать?

— Только обычный проход, без перемещения корпусов и уборки материала вокруг них, — ответил Павел. — Условия вам прислали. Если что-то мешает доступу, сначала фотография и звонок исполнителю.

Полина собрала листы.

— Еда есть. Но сегодня без гостей за столом, я сама ещё не садилась. Могу с собой положить.

Инга хотела отказаться, потом увидела, что хозяйка уже достала два контейнера.

— Спасибо. Мы возьмём.

***

За Лесной Пристанью снег пошёл почти горизонтально. Дворники отбрасывали его к краям стекла, где он собирался в плотные белые валики. Асфальт ещё был чёрным, но на

съездах блестела корка. Свет встречных фар расплывался в мокром стекле, и Инга каждый раз невольно напрягала плечи.

До Екатеринбурга навигатор обещал чуть больше трёх часов. Потом прибавил двадцать минут.

— Если без остановок, к полуночи будем, — сказала она.

Павел не ответил. Впереди грузовик включил правый поворот, но к обочине не прижался. Павел сбросил скорость и подождал, пока тот найдёт въезд.

— Здесь гостиница дальше, — сказал он.

— Завтра отбор. Нам всё равно обратно в эту сторону.

— Поэтому и останемся.

Она посмотрела на него. На переносице лежала тёмная полоса от очков, под глазами кожа казалась серой.

— Я могу сменить.

— Ты у перевозчика два раза один и тот же номер спросила.

— Один был номер рейса.

— Второй тоже. Я не из протокола тебе замечание делаю.

Он съехал к освещённой стоянке, остановился и только тогда повернулся к ней.

— У меня за последние полчаса два раза взгляд оставался на фонарях впереди. Не на дороге. Если ещё три часа, я хуже буду. Ты — тоже. Завтра у нас чужие первичные записи и люди. Не хочется начинать с того, что я не различаю цифры.

Инга уже видела цепочку переноса: кому написать, что останутся, где зарядить ноутбуки, как получить забытые в офисе бумаги. Всё это были устранимые неудобства. Она всё равно несколько секунд искала довод за дорогу.

— В офисе распечатки к старому делу.

— Софья получит файл. Бумага дождётся нас.

— Она завтра занята.

— Значит, её завтра не трогаем.

Инга сняла очки, протёрла дужку большим пальцем.

— Давай узнаем про комнаты.

На стойке гостиницы попросили документы и предупредили: горячая вода в дальнем крыле появляется не сразу. Свободных номеров было два. Павел взял ключи, вернулся к машине за сумками и контейнерами Полины. Инга осталась оформлять ночлег.

Когда она наконец села на кровать, ноги заныли так явно, будто прежде кто-то выключал эту часть тела. В сумке лежали рабочая папка, зарядка и запасная футболка. На один ночлег хватало. Она сообщила в офис, что обратный выезд переносится, и отдельно проверила ближайшие договорённости: ничей приём не требовал её возвращения этой ночью.

В маленьком зале возле стойки им разрешили разогреть еду. Телевизор показывал хоккей без звука; холодильник с напитками гудел громче, чем менялось изображение.

Павел вернулся с двумя тарелками.

— Приборы хотя бы позволяют официально назначить им обслуживание, — сказал он. — Срок подошёл — отправил. Никто не спрашивает, не подведёт ли он этим коллектив.

— Некоторые приборы ещё и заменяют.

— Наш бюджет до такого отношения к сотрудникам не дорос.

Они поели, некоторое время не разговаривая. В контейнере оказалась гречка с мясом и отдельно солёный огурец. Инга разрезала его ребром вилки. Павел перестал смотреть на телефон после того, как уронил на экран крошку хлеба.

— Утром проверю копирование, — сказал он. — Сегодня только резервную сделаю. По снимку на погрузке слой виден. Но нам ещё нужно связать этот корпус с приложением и понять, когда они считали отделение законченным.

— По первому рейсу многое сошлось?

— По доставке Полине — да. По «Повороту» пока только до двора. Водитель дальше не ездил. Накладная нам конечного владельца не обещала, это мы от неё захотели.

Инга положила вилку.

— Завтра не будем пытаться вместить все адреса после отбора.

— Не будем.

Он спросил, понадобятся ли ей дополнительные поездки по медицинской части. Не о том, что рассказал Кулагин.

— Пока согласуем ближайшее обращение и запрос старых материалов. Техническая поездка их не заменит.

— Тогда в общий график поставим только время, когда ты недоступна.

Она кивнула. Разговор о здоровье остался там, где должен был остаться; ей не пришлось ни оправдывать молчание, ни придумывать безобидный пересказ.

Телефон коротко завибрировал. Софья написала, что посредник передал Нине предложение связаться с центром. Номер самой Нины он без разрешения не отдавал. Теперь Остроухова ответила Софье и попросила передать свой контакт Инге: поговорить готова, но не сегодня.

Следом пришло уточнение: «Она сама выберет место. Не обещала медицинскую беседу».

Инга открыла сообщение, набрала короткое представление и спросила, когда удобно созвониться. Ответ пришёл через несколько минут.

«Сейчас могу пять минут. Потом автобус».

Она отошла от телевизора к окну. На стоянке водитель чистил снег с бокового стекла ладонью в варежке.

Нина ответила после первого гудка.

— Вы нашли Алексея? — спросила она.

— Связь с ним установлена. Больше без его разрешения не рассказываю.

— И не надо. Мне он тоже ничего не должен. Леонид Григорьевич просто всех уже обзвонил.

Голос был негромкий, с паузами: Нина, похоже, одновременно следила за дорогой или за людьми вокруг.

— Я хотела бы встретиться, если вы согласны, — сказала Инга. — Обсудить вашу работу и вопросы, с которыми вы готовы обратиться. Вы можете сначала спросить обо всём по телефону.

— По телефону я потом забуду, что сказала. Лучше приезжайте. Только не домой.

Она назвала артель «Мерка» в Березовом Логу, уточнила вход и предложила послезавтра. Инга записала время.

— В половине двенадцатого?

— Нет, к одиннадцати сорока. Я до половины двенадцатого сдаю одно, потом успею переодеться. И до часа. В час меня забирают в другое место.

— Это ваш рабочий день там?

На другом конце несколько секунд слышался только шум. Затем Нина сказала:

— Не день. Задание. Вы мне утром напишите, что выехали. Если они время передачи сдвинут, я сразу предупрежу.

Инга повторила договорённость, оставив десять минут между сдачей работы и встречей. Нина поправила ориентир: не центральные ворота, а боковая дверь с лестницей.

— И Леониду Григорьевичу пока не надо сообщать, где, — добавила она. — Что ответила вам — можно. Где буду — не надо.

— Хорошо.

— Всё, автобус.

Связь закончилась. Инга постояла у окна, пока на экране не погасло время разговора. Потом вернулась к столу и открыла календарь.

Павел убрал тарелки, освобождая ей место.

В строку встречи она внесла адрес, боковую дверь и одиннадцать сорок. Рядом записала два ограничения: не раньше сдачи задания, закончить до отъезда. Графу с постоянным местом работы оставила незаполненной.

Глава 5. Без должности

На боковой лестнице лежал разрезанный резиновый коврик. Верхнюю половину прихватили к ступени двумя металлическими полосами, нижняя загнулась и собирала снег. Инга переступила через край, придержала дверь Павлу и услышала изнутри:

— Не ставьте сверху. Я это уже посчитала.

Нина стояла возле стола с тремя открытыми ящиками. Поверх серого свитера на ней был синий фартук; на груди — приколотая булавкой полоска ткани без надписи. Она подняла руку, показывая приезжим, что видит их, и вернулась к мужчине, который держал ещё один ящик.

— Этот куда?

— Пока на тележку. У вас в листе двадцать четыре, а здесь двадцать три. Один я отдельно положила. С резьбой что-то, пусть смотрят.

— Значит, двадцать четыре и есть.

— Есть. Только хороших двадцать три.

Мужчина опустил ящик, взял лист. Нина дождалась, пока он допишет замечание, затем поставила свою отметку рядом. Не уступила ему место у стола, пока не получила копию.

Было одиннадцать сорок две. Утром Инга написала о выезде, как они договорились. Нина ответила: «Время прежнее. Дверь тугая, толкните плечом».

Снег за прошедший день слежался, дорогу до Березового Лога прочистили. Лабораторный выезд к Полине, напротив, пришлось перенести: машина профильной бригады не добралась по запланированному маршруту. Векшина сама сообщила об этом заказчице и предложила новое время на следующий день. Отбор ещё не состоялся. Инга вчера удержалась от звонка Полине с повторением тех же сведений — всё, что она могла бы сказать, уже сказал исполнитель.

Нина сложила копию пополам.

— Сейчас руки помою. Вы пока здесь. Только под дверью не стойте, она назад бьёт.

Она ушла в глубину помещения, слегка приподняв фартук, чтобы не задеть им край тележки.

В «Мерке» было тесно, но не захламлённо. Узкие проходы разделяли столы, стеллажи с коробками и огороженное место у стены. Там стоял привезённый корпус, закрытый с одной стороны листом упаковочного картона. Над картоном читался нанесённый белой краской номер: Т-06.

Павел тоже заметил его. Посмотрел на Ингу, но телефон не достал. Их пустили к Нине, а не на обследование имущества.

У дальнего стола работала женщина в очках. Она подняла небольшую деталь к лампе, провела пальцем по краю, отложила в низкий лоток. Из соседнего помещения доносился мерный гул. Каждый раз, когда открывали внутреннюю дверь, он становился громче и обрывал разговоры у входа.

Нина вернулась без фартука. Волосы у висков намокли; она, видимо, умывалась тоже.

— Там комнату дали до половины первого. Потом у них поставщик. Павел Андреевич, вы тоже про мою работу спрашивать будете?

— Только если понадобится уточнить операции. Основной разговор с Ингой Николаевной.

— Тогда давайте сначала мы. Я ещё не решила, что рассказывать.

Он кивнул и спросил, где можно подождать. Нина показала на скамью возле выхода. Прежде чем увести Ингу, она остановила проходившего мужчину:

— Вы их потом с ответственным сведите, если про корпус надо. Я за него не отвечаю.

Комнатой оказался узкий кабинет с чайником и высокой полкой для образцов. На столе стояла остывшая чашка; Нина переставила её на подоконник, достала из сумки тетрадь, потом снова убрала.

— Я, наверное, сначала спрошу. Кто вам сказал, что меня искать надо?

— Леонид Григорьевич. Сказал, вы перестали появляться у прежних знакомых, отвечать стали реже. Он тревожился.

— Он тревожится так, что потом весь город знает.

Нина села ближе к двери. Ей был пятьдесят один год. Она назвала возраст сама, когда Инга уточняла данные, и добавила:

— Не потерялась я.

— Теперь мы встретились. Вы сами предложили место и время. Что я могу ему сообщить?

— Что со мной поговорили. Что жива и помощь мне никто не запрещает получать.

— Где вы работаете?

— Этого не надо. Сегодня здесь, завтра не здесь. Он опять начнёт объяснять, куда мне лучше.

Инга записала разрешённый ответ. Нина посмотрела, как она пишет, затем придвинула стул ближе.

— И дочери не звоните. Она номер не меняла, найти её легко. Я сама.

— Хорошо.

— Вы не спросите, почему я ей не сказала?

— О чём?

Нина расправила ручки сумки на коленях.

— Что места нет. Постоянного. Должно было быть, а нет.

За дверью заскрипела тележка. Кто-то попросил подержать створку, и несколько секунд кабинет наполнял гул соседнего помещения.

— После «Термодетали»? — спросила Инга, когда стало тише.

— Да. Сначала говорили: подготовим оборудование, пойдёт работа, возьмём. Я пока сюда ездила. Потом ещё на склад позвали — там комплектуют заказы, не здесь. То два дня, то полдня. Если приезжает машина, звонят вечером. Дочери сказала: график меняют. Один раз сказала, второй. Потом уже как будто это и правда график.

— Сейчас вам обещают постоянное место?

— Сейчас говорят: посмотрим по объёму.

Нина произнесла это чужим ровным голосом. Вернула сумку под стул.

— Я не сижу без дела. Вы не так запишите. Сегодня до часа я здесь, потом меня везут на другую площадку. Там до вечера, если всё привезли. Если не привезли, обратно сама.

— Оплачивают ожидание?

— Вот это я и хотела спросить у вашей Софьи Львовны. Мне сказали, она про работу может. Только чтобы не начиналось сразу: вы обманутый человек, давайте жалобу.

— Сначала можно разобрать, о чём вы договаривались и что происходило. Без обещания готового ответа.

Нина достала тетрадь уже окончательно.

— Тогда позвоните ей. У меня тут всё есть. Не всё, конечно. Что мне денег стоит — есть.

***

У тетради была мягкая обложка с лимонами. Возле пружины расползся картон; его склеили прозрачной лентой, захватив угол первой страницы. Внутри чередовались суммы, часы, телефонные номера и короткие пометки: «обратно сама», «не приняли два», «обещано до среды».

Софья ответила в согласованное окно. Инга спросила Нину, можно ли включить громкую связь. Та сначала проверила, плотно ли закрыта дверь.

— Можно. Медицинского пока ничего.

— Сейчас говорим о заданиях и расчётах, — сказала Софья. — Я без записи звука. Если понадобится сохранить ваши слова, сначала прочитаем вместе.

— Мне бы понять, кто должен за вторник. Меня вызвали к восьми, а до десяти ключа не было.

— На какую площадку?

Нина назвала склад комплектации. Пальцем нашла нужную строку.

— Вот. Автобус туда, потом от остановки пешком. Вызвал тот, кто обычно принимает. А когда считать стали, он сказал: у нас оплата за сделанное, не за сидение.

— Вы заранее это обсуждали?

— За результат обсуждали. Но не чтобы я у закрытой двери стояла.

Софья не стала немедленно отвечать, что ей обязаны заплатить. Попросила показать, как назначали время, и уточнила, на чьё имя шли переводы. Нина перевернула несколько страниц назад.

— Здесь за четыре выхода одной суммой. Я думала, недодали. Потом вспомнила, что в пятницу уехала раньше. Поэтому и пишу. Иначе сама запутаюсь.

Инга увидела рядом со строкой маленькую звёздочку. Ниже, другим цветом: «пятницу вычесть». Тетрадь не была собрана для чужого разбирательства. В ней Нина поправляла не только тех, кто ей платил, но и себя.

— Когда начали вести? — спросила Инга.

— Как на два места стала ездить. Ещё летом у меня одна книжка была, но там обычное: продукты, квартплата. Эту в сентябре купила. Чеки на автобус в карман клала, потом вытряхивала вместе с крошками. Дорого получалось вытряхивать.

Она раскрыла заднюю обложку. В приклеенном конверте лежали билеты и два узких листка с расчётами. Один был подписан карандашом, другой — только с итоговой суммой.

Они выбрали по два задания с каждой площадки. Софья спрашивала не о названии должности, а о том, кто говорил Нине, что делать, где лежал инструмент, кто решал, закончена ли работа. На «Мерке» ей выдавали комплект и лист, место за столом оставалось тем же; на складе каждый раз могли поставить к другому заказу. В одном случае оплату она получала от артели, в другом перевод приходил от человека, с которым сама о работе не договаривалась.

— Значит, я нигде не работаю? — спросила Нина.

— Вы выполняете работу. Вопрос в том, как оформлены отношения и кто за что отвечает. По этим четырём заданиям окончательного ответа ещё не будет.

— Мне всё время говорят: постоянную мы вам пока не обещаем. А я спрашиваю за прошлый вторник. Они мне опять про постоянную.

— Это разные вопросы, — сказала Софья. — Ожидание будущей должности не отменяет расчёт за то, что уже происходило. Но основания требований мы проверим по каждой площадке отдельно.

Нина кивнула. Такая осторожность её, кажется, не обидела. Она достала телефон, набрала код и открыла переписку.

— Вот вызов. Только дальше не листайте. Там у меня с дочерью рядом.

— Держите телефон сами, — сказала Инга.

На экране было сообщение с просьбой приехать к восьми, ниже — Нинино: «Я у двери». Ответ пришёл почти через час. Она показала дату, затем имя контакта. Инга переписала сведения и попросила разрешения сохранить относящийся к заданию фрагмент.

— А телефон вам потом отдавать?

— Нет. Для нашей работы достаточно согласованных копий. Если позже для спора потребуется другой порядок подтверждения, Софья объяснит отдельно.

— Я без него вообще не уеду. Там и расписание, и деньги.

Они сделали копии выбранных сообщений, не захватывая соседние разговоры. В перечне Инга указала, что Нина показала их на своём телефоне, а имя отправителя в адресной книге записала сама. Номер сверили отдельно. Под каждой копией осталось место для пояснения Нины: о каком задании шла речь и что последовало.

Когда дошли до обещанного места, Нина перестала листать.

— Тут Леонид Григорьевич. Это тоже надо?

Инга подняла взгляд.

— Что именно?

— Ну, про то, что я здесь временно. Он мне объяснял, чтобы я не думала, будто меня на сортировку насовсем отправили.

Она показала сообщение, датированное несколькими неделями раньше обращения в центр.

«Нина Павловна, пока выходите в “Мерку”, там сейчас нужны ваши руки. Как подготовят оборудование, будет постоянное место. Я с ними говорил. По времени договоритесь с принимающим, я номер перешлю».

Следом стоял контакт и ответ Нины: «Только без ночных. Мы об этом говорили».

Барышев написал: «Помню».

Инга прочла дважды. От текста к ней пришло не чувство разгадки, а неприятное узнавание интонации: человек обещал помнить условие и тем самым брал на себя больше, чем передачу номера.

— Вы обсуждали это по телефону до сообщения?

— Да. Он сказал, здесь ненадолго. Чтобы я пока не искала в другом месте. Там дальше ещё было, я выберу.

— Не нужно сейчас искать всё, — сказала Инга. — Этого фрагмента достаточно для первого вопроса. Вы разрешаете сохранить его для разбора того, как вам предлагали работу?

Нина убрала телефон к себе.

— А ему покажете?

— Без обсуждения с вами не отправим вашу переписку. Но если будем проверять обещание, может понадобиться спросить его о разговоре с вами. Он поймёт, откуда вопрос.

Нина посмотрела на закрытую дверь.

— Я не хочу, чтобы он вечером приехал меня воспитывать.

Софья некоторое время молчала, давая ей закончить.

— Мы не будем просить вас продолжать разговор с ним ради новых сообщений, — сказала она. — И звонить при нас тоже не нужно. Сейчас можно сохранить только то, что вы готовы предоставить. Отдельный вопрос ему согласуем с вами.

— Сохраните. Пусть не выйдет потом, что я сама придумала должность. Только не сегодня ему звоните с этим.

— Сегодня не будем, — ответила Инга.

Нина снова повернула экран.

— Он правда помогал. Мне никто из кадров не позвонил, когда всё кончилось. Он позвонил. Я не хочу теперь говорить, что ничего не было.

— Не нужно этого говорить.

Слово «помогал» не мешало видеть сообщение. Не требовалось ни отнимать у Барышева сделанное, ни позволять ему исчезнуть из собственной переписки.

Инга сохранила выбранный фрагмент. Сверила дату, номер, начало и конец. Нина прочитала короткое пояснение и поправила одну строку: не «приняла предложение постоянной работы», а «согласилась на временные задания, ожидая обещанного места».

— Мне постоянную никто бумагой не предлагал. Только вот так.

Софья попросила оставить именно эту формулировку.

— И ещё, — сказала она. — Наше первоначальное поручение было о связи с вами. Подробный трудовой разбор — отдельная работа. Сегодня мы определим, что потребуется, а дальше я вам пришлю объём и порядок. Решите сами.

— А Леониду Григорьевичу за это отчёт?

— Нет. Эти материалы не становятся его материалами потому, что первым обратился он.

Нина впервые за весь разговор откинулась на спинку стула.

За дверью постучали.

— Через пять минут можно?

— Собираемся, — ответила она. — Чашку вашу на окно поставила.

Они закончили на перечне того, что ещё нужно проверить: документы об оплате по выбранным датам, согласованные условия заданий, ответы тех, кто принимал результат. Нина разрешила Софье связаться с ней напрямую вечером, но только после семи и сначала сообщением. Фотографировать всю тетрадь не захотела. Инга сняла четыре разворота, прикрыв не относящиеся к работе строки чистой бумагой.

— Там подарок внуку, — пояснила Нина, заметив задержку её руки. — Ничего секретного. Просто вам зачем?

— Незачем.

Тетрадь вернулась в сумку. Телефон Нина убрала во внутренний карман.

***

До отъезда оставалось полчаса. Нина предложила пройти в место для еды — небольшую пристройку с окном на двор. Инга хотела сказать, что не станет отнимать у неё обед, но Нина уже доставала контейнер.

— Всё равно есть буду. Разговор без жевания у меня сегодня не помещается.

На подоконнике остывали три одинаковые кружки. Возле чайника лежало полотенце, которым брались за горячие ручки. Нина сняла с контейнера крышку; под ней оказались картофель и две котлеты. Одну она сразу переложила на крышку.

— Вам?

— У меня с собой.

Инга достала из сумки хлеб и сыр, купленные утром. Нина посмотрела одобрительно.

— Тогда нормально. А то приезжают люди: мы быстро, мы на пять минут. Сами голодные, я потом тоже.

Павел заглянул в дверь, сообщил, что поговорил с ответственным за площадку. Об отдельном осмотре Т-06 договорятся с владельцем; он оставил контакты и объяснил, почему до уточнения материала не следует разбирать изоляцию или зачищать её. Фотографий без разрешения не делал.

— Номер совпадает? — спросила Инга.

— Нанесённый — да. Остальное будем сверять с документами.

Нина подвинула свою сумку, освобождая ему стул. Павел поблагодарил, но сказал, что поест у машины: нужно ответить лаборатории, не мешая разговору.

Когда он вышел, Нина спросила:

— У нас тоже что-нибудь нашли?

— Пока нет результата ни по вашему корпусу, ни по материалам у Полины. Исследование впереди.

— Я к этому не подхожу. Меня за столом ставят. Но видела, как картон с боку закрепляли. Это считается?

— Для чего — считается?

Нина усмехнулась.

— Вот. Все говорят «считаетесь», а потом выясняется, что неизвестно кем.

Инга не стала превращать обед в ещё один опрос. Сказала только, что вид работы, расстояние, состояние материала и время имеют значение; одно нахождение в помещении не даёт готового ответа о воздействии. Если Нина захочет обсудить здоровье, они сделают это отдельно.

Нина открыла бутылку с водой. Сделала глоток, кашлянула в сгиб локтя.

— Я потому спросила. У меня дней восемь кашель. Уже лучше. Дочь услышала по телефону, сказала дома сидеть. Я ей: у нас на работе половина с соплями.

— А сами заболели с чего?

— Горло сначала. Потом нос. Два вечера температура была. Я даже сюда не приезжала. Сейчас только это цепляется.

Она ещё раз неглубоко кашлянула и отодвинула контейнер.

— Можно я уточню несколько вещей? — спросила Инга. — Это не будет полноценным приёмом здесь, за едой.

— Можно.

Температура больше не возвращалась. По словам Нины, крови в мокроте не было, боли в груди и нехватки воздуха в покое тоже. До лестницы она дошла как обычно, но после дороги уставала больше. К врачу ещё не обращалась: сначала думала, что пройдёт за два дня, потом стало полегче и показалось незачем.

— Лучше всё-таки организовать обычный осмотр, — сказала Инга. — Не ждать, пока мы выясним состав материала. По телефону и этому разговору я причину кашля не установлю.

— Но вы меня сейчас к тем корпусам не припишете?

— Нет. И не объявлю их безопасными потому, что недомогание началось с горла и насморка.

Нина кивнула и вернула контейнер ближе.

Они договорились, что Инга отдельно пришлёт варианты обращения. Нина выберет время сама. Если появятся одышка, боль в груди, кровь при кашле или снова поднимется температура, ждать очередного рабочего окна не следует. Эти сведения в общий разговор о расчётах не пойдут.

За окном мужчина вытряхивал снег из кузова маленького грузовика. Пласт снега соскользнул на землю целиком, не рассыпавшись. Нина следила за ним, пока ела.

— Дочь думает, у меня сейчас спокойнее стало, — сказала она. — Я ей так и рассказывала. Без печей, без ночей. И ведь без ночей. Только я вечером всё равно не свободная. Вдруг позвонят, что утром надо. Телефон возле подушки лежит.

— Вы можете отказаться?

— Могу. Один раз. Потом найдут человека, которому надо больше.

Она подняла с пола сумку, чтобы достать салфетку. Из бокового кармана выпал второй свёрток с одеждой. Нина поймала его коленом.

— Вот моя постоянная должность. В одном пакете фартук, в другом кофта для склада. Если перепутаю, хоть по одежде поймут, куда меня везти.

Инга улыбнулась. Нина тоже, но свёрток убрала сердито: молния не сходилась.

— Я не хочу обратно, — сказала она вдруг. — Все почему-то думают, надо нас собрать, и мы обрадуемся. У меня от того участка в памяти больше всего будильник. Четыре сорок. Ещё темно, а уже опоздать можно.

Инга вспомнила, как Барышев говорил о прежней смене: по фамилиям, с короткими пояснениями, кто что умеет. В его рассказе люди будто ждали, пока их снова расставят по местам.

— Что вы хотели бы сейчас? — спросила она.

— Чтобы мне в пятницу сказали, сколько будет на следующей неделе. Не до копейки. Чтобы не получилось: я три дня ездила, а это подготовка, её потом посчитают. И чтобы во вторник вечером я могла выключить телефон. Просто потому, что вечер. Не потому, что заболела.

Она наконец застегнула сумку.

— Дочь мне скажет: надо было сразу говорить. И будет права. Потом начнёт искать вакансии за меня, пришлёт двадцать ссылок. В одном месте ночные, в другом ездить два часа. Я ей отвечать не успею, она обидится.

— Можно сказать, какая помощь вам нужна.

— Сначала надо сказать, что вообще произошло.

Нина посмотрела на часы. Было без двенадцати час.

— У неё сегодня после двух окно. Я напишу, чтобы позвонила. Не всю историю. Что постоянной работы нет. Что пока задания. И что я не прошу меня содержать.

Она взяла телефон, набрала несколько строк. Стерла последнее предложение.

— Про содержать не буду. Она ещё ничего не сказала.

Инга доела хлеб. Ей хотелось предложить остаться рядом на случай трудного разговора, но Нина выбрала время после двух, когда они уже уедут. Это не было просьбой о сопровождении.

— Мне можно упомянуть, что я с вами встретилась? — спросила Нина.

— Конечно.

— Только она может решить, что я больна.

— Тогда скажите, что обсуждали работу. Это правда.

Нина отправила сообщение и положила телефон экраном вниз. Не стала ждать ответа над ним.

Пока она мыла контейнер, Инга собрала свои записи. Лист с разрешённым сообщением Барышеву лежал сверху. Она показала его ещё раз.

— «С Ниной Павловной встретились лично. Связь установлена. Дальнейшие контакты она определяет сама». Так?

— Да. Место не надо. И про дочь не надо.

— Этого здесь нет.

Нина вытерла контейнер снаружи, завернула в пакет. В дверь заглянул человек в куртке:

— Вы готовы? Можно раньше выехать.

— К часу договаривались. Сейчас соберусь.

Он ушёл, не возражая. Нина проводила Ингу до боковой двери, остановилась возле стола, где утром сдавала ящики. Её копия листа торчала из тетради. Она достала её и спросила у принимавшего работу мужчины:

— За сегодняшнее когда?

— Вместе с прошлым.

— Это когда?

Он назвал день. Нина записала рядом с суммой и только после этого надела варежки.

На лестнице Инга придержала дверь. Павел уже сидел в фургоне. Во дворе ждала легковая машина; Нина сама открыла заднюю дверцу, положила сумку, затем вернулась на два шага.

— Вечером Софье я отвечу. Если задержат, напишу. Не звоните сразу искать.

— Хорошо.

Она уехала раньше них.

В фургоне Инга отправила Барышеву согласованное подтверждение. Он почти сразу ответил: «Спасибо. Где нашли?» Она написала, что место Нина сообщать не разрешила, и убрала телефон.

— Едем? — спросил Павел.

— Минуту.

Инга открыла запись первого разговора в офисе. Нашла ответ о новых работах: устройством людей Барышев, по его словам, не занимался. Тогда она оставила эту фразу среди исходных сведений, рядом с предположениями об адресах.

В сегодняшнем фрагменте стояло: «Пока выходите в “Мерку”» и «Я с ними говорил».

Она не перенесла эти слова в общий отчёт заказчику. Сохранила отдельно, вместе с Нининым пояснением и ограничением дальнейшего использования. Под ними написала вопрос: с кем именно он говорил о постоянном месте и что было обещано.

Павел ждал, держа руки на руле. Инга закрыла ноутбук.

— Теперь можно.

На выезде им пришлось пропустить ту самую тележку с ящиками. Мужчина вёз её медленно, обходя колею. На верхнем ящике лежал лист, в котором двадцать четыре детали уже не были записаны как двадцать четыре годных.

Глава 6. Плита досчитывает

Полина переставила стул к двери и тут же убрала обратно.

— Здесь будете переодеваться? Тогда через вас в контору ходить нельзя.

— Покажите другое место, — сказала Векшина. — Где можно отделить чистые вещи от рабочих. Мы пока ничего не раскладывали.

Полина провела её в маленькую комнату за перегородкой. Инга осталась у входа, придерживая сумкой дверь. В мастерской изменилось расстояние между вещами: верстак придвинули к окну, тележку с готовыми деталями поставили торцом. Проход к Т-01 освободили, но теперь, чтобы достать ящик из-под верстака, приходилось сначала откатывать тележку.

Лабораторная машина добралась утром, в перенесённое время. С её порогов ещё стекала солёная вода. Павел помог освободить место возле входа, но ящики с оборудованием не трогал.

Полина вернулась с Векшиной.

— До обеда мне надо выдать две работы. Одну через ворота, другую человек сам заберёт. Я всё помещение второй раз не освобожу.

— Всё и не требуется. Но пока идёт отбор, через выделенную зону никто не проходит.

— А потом?

— Потом мы завершим обработку мест отбора и уберём своё оснащение. Подготовку корпусов это не разрешит. Рекомендация пока остаётся прежней.

Полина посмотрела на переставленный верстак.

— Вы мне только границу покажите. Не так, чтобы после вашего отъезда опять оказалось, что надо ещё метр.

Они прошли к ленте. Векшина сначала осмотрела оба корпуса снаружи, попросила включить дополнительный свет и уточнила, какие части обшивки поднимали уже здесь. Полина ответила коротко, затем начала говорить быстрее:

— Этот край был такой. Сбоку мы смотрели крепления. С той стороны не лезли. Я уже показывала на фотографиях.

— Покажите и мне, пожалуйста.

— Они у Павла есть.

— Мне нужно услышать от вас, что происходило. Фотографии посмотрю тоже.

Векшина говорила без нажима. На её куртке под воротником застряла нитка от шарфа; она дважды пыталась убрать её, не отрывая взгляда от корпуса. Полина наконец повернулась к ней полностью.

— Хорошо. Только сначала скажите, с какой стороны считать.

Они договорились об ориентире — белый номер и сторона, обращённая к воротам. После этого Полина уже не путалась в «справа» и «сзади». Векшина отмечала на своём листе открытые участки, крепления, место прежнего подъёма кожуха. Сотрудник лаборатории снимал общие виды. Ни крошку с выступа, ни загнувшийся край пока не трогали.

Павел открыл планшет.

— У нас есть форма с привязкой к имущественным номерам. Можно сразу здесь вести. Потом не придётся сшивать две системы.

Векшина посмотрела на экран.

— Где отдельные слои?

— В описании материала.

— Здесь одна строка на объект.

— Я добавлю.

Она взяла планшет, увеличила таблицу и вернула ему.

— Если я отмечу два разных слоя, вы получите две строки с одним номером. А при выгрузке они у вас не соединятся обратно?

Павел проверил настройку.

— По умолчанию соединятся. Можно снять.

— И точка отбора у вас обозначена только на фотографии. Мне нужна ещё схема, чтобы она не зависела от того, как повернули снимок.

— Мы можем согласовать форму.

— Можем согласовать соответствие номеров. Но первичные записи я веду по нашему порядку. Моя подпись будет под ними, а не под выгрузкой из вашей таблицы.

Павел убрал планшет под мышку.

— Я не пытаюсь забрать вашу подпись.

— Я понимаю. Вы пытаетесь сделать одну удобную таблицу. Только устройство от этого не становится проще.

Инга заметила, как Полина перестала следить за разговором и посмотрела на часы. Спор двух специалистов уже занял время, ради которого она с утра двигала мебель.

— Что нужно согласовать сейчас, чтобы начать? — спросила Инга.

Векшина показала на белые цифры.

— Номер имущества, обозначение объекта в заказе и наши номера проб. Ссылку между ними. Остальное — в рабочих записях каждого исполнителя.

Павел открыл чистый лист.

— Тогда сделаем таблицу соответствия.

— Да. И без переименования проб после отбора.

Полина выдохнула.

— Вот это я понимаю. У меня тоже на ящике одно, в счёте другое, а искать потом мне.

Пока лаборатория готовила рабочую зону, Инга с Полиной прошла вдоль оставшегося прохода. Выдача готовых деталей не требовала заходить за ленту. Для текущего ремонта у окна хватало места, если убрать пустую тару, а не переносить корпуса. Полина сама позвала работника и показала, куда поставить тележку.

— Алексей сегодня здесь не нужен? — спросила она, вернувшись.

— Для отбора — нет. Если потребуется уточнить его действия, отдельно договоримся.

— Он на другой работе. Я не стала держать его, чтобы он всем одно и то же рассказывал.

Инга кивнула. Ей хотелось спросить, дошёл ли Кулагин до врача, но этот вопрос не предназначался Полине. Они с ним уже договорились о прямой связи.

За ограждением менялся темп. До этого всё состояло из вопросов и взглядов; теперь сотрудники лаборатории работали по подготовленной последовательности. Средства защиты проверили до подхода к открытым слоям. Для проб приготовили отдельные маркированные ёмкости и наружную упаковку. Векшина руководила отбором, не позволяя объединить крошку с выступа с материалом под обшивкой только потому, что они были одного цвета.

Инга отошла к двери. Отсюда были видны руки сотрудников и номер Т-01, но мелких действий она не различала. Этого оказалось достаточно: медицинского решения от неё сейчас не требовалось.

Павел сперва стоял рядом с Векшиной и при каждом новом обозначении заглядывал в её лист. Потом спросил:

— На втором объекте тот же порядок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.